

На партийных собраниях писателей

РИГА. В Союзе писателей Латвии состоялось отчетно-выборное собрание партийной организации. С докладом выступил А. Баудис. — В последнее время, — сказал докладчик, — у нас появилось несколько интересных произведений: роман А. Броделя «Кровью сердца», репортаж Ж. Гривы «Под крыльями альбатроса», пьесы Г. Приеде, роман В. Устиновой «Простая история». Были собраны рассказы ряда молодых писателей, появилось несколько новых романов, новых сборников стихов. Однако у латвийских литераторов еще много нерешенных задач. Круг охватываемых ими тем пока узок. Немало недостатков в работе писательской организации. Недостатки эти объясняются прежде всего слабой активностью многих писателей.

Ликвидация последствий культуры личности, надо восстановить также право о революционной латвийской литературе, — призвал докладчик. — В истории латвийской советской литературы достойное место должны занять Линард Лайне и его литературная группа «Лесной фронт».

Выступая в прениях, А. Грингис говорил о том, что литература должна отвечать в первую очередь на важнейшие вопросы жизни. Этого ждет от писателей народ. Но это возможно лишь тогда, когда литератор руководствуется принципом партийности, ясно видит перспективы развития жизни. Эти перспективы урчаны в ряде произведений молодых авторов. О склонности некоторых писателей к натуралистическому копированию фактов говорил и К. Краулянь. Констанция недостатков, подчеркнул оратор, подмечает в этих произведениях активную борьбу против них. К Крауляню заметил также, что литературная критика в Латвии занимается за последнее время безудержным захлыванием. Нам не нужна ни проработанная, ни фирменная критика.

Интереса к работе других писателей, интереса ко всей литературе в целом — вот чего у нас пока не хватает, — сказал секретарь правления Союза писателей Латвии В. Лукс. — А это первое условие для оживления работы секций, а следовательно, и для оживления работы всей писательской организации.

В прениях выступили также Я. Грант, Д. Нагишка, В. Каулуж, Е. Лагановский, Б. Бураак, К. Румчик и другие.

ТАЛЛИН. На отчетно-выборном собрании партийной организации писателей Эстонии с докладом выступил секретарь партбюро А. Соколов. Он отметил, что недавно, на третьем пленуме ЦК КП Эстонии, обсуждался вопрос о том, как выполняются в республике решения XX съезда партии по идеологическим вопросам. Пленум отметил, что за последнее время эстонские писатели создали немало интересных произведений, добились заметных результатов в преодолении «теории» бесконфликтности и зумтарного социологизма в критике.

А. Соколов рассказал о некоторых полезных собраниях, которые были проведены в партийной организации Союза писателей республики. На них обсуждалась работа с молодыми, произведение писателей, пишущих о жизни современной деревни, участие литераторов в работе периодической печати и т. д.

Участники прений отмечали, что писатели Эстонии редко выступают с боевыми публицистическими статьями и очерками. Р. Парве говорил о том, что писатели Эстонии должны пропагандировать достижения нашей социалистической жизни, разоблачать ложь реакционных эмигрантских кругов. Писателей редко приглашают на совещания передовиков промышленности и сельского хозяйства, и это, по мнению М. Раула, затрудняет творчество писателей в жизни. Председатель правления Союза писателей Эстонии Ю. Смуул критиковал некоторые материалы периодической печати, относящиеся к вопросам литературной жизни, за их поверхностность и серость.

Драматург М. Талвек призвала писателей уже сейчас серьезно подумать о том, какими произведениями встретит эстонская литература сороклетие Великого Октября. Она призвала также к тому, чтобы творческие вопросы в Союзе писателей решались коллективно.

Развитию эстонской литературной критики, ее влиянию на литературу посвятил свое выступление секретарь правления Союза писателей Эстонии Л. Реммельгас. Он отметил отрицательные последствия атмосферы культуры личности. Сейчас атмосфера изменилась, и не случайно за последнее время наблюдается значительный рост эстонской советской литературы.

В прениях поднималось немало других вопросов — и творческих и организационных. Выступавшие критиковали, в частности, партийное бюро за то, что оно уделяло недостаточное внимание бытовым вопросам жизни писателей.

АШХАБАД. Содержательным было отчетно-выборное собрание партийной организации туркменских писателей. Собрание констатировало, что после декады туркменской литературы и искусства в Москве творческая активность писателей Туркмении значительно снизилась. В докладе Б. Сейтакова и в прениях подчеркивалось, что основной причиной этого является слабая связь писателей с жизнью. Туркменские писатели не сумели должным образом воспринять настроения самоощущения в своей среде. Конечно, в этом году появились ряд произведений в прозе, и драматургия, и, главным образом, поэзия. Однако в большинстве из них больше остроты темы жизни обывателя. По-прежнему нельзя признать благополучным положение в таких жанрах, как проза, драматургия, литературная критика. Писатели республики работают пока без должного напряжения.

— Кроме поэмы «Горная степь» молодого поэта А. Худайназара, ничего существенного не создано о крупнейшей стройке республики — Каракумском канале, — говорил А. Атажанов. — Мы не обращаемся к новым интересным темам, которые можно найти на новостройках шестой пятилетки. В журнале «Совет эдебияты», кроме двух-трех слабых очерков, о новостройках ничего нет.

Выступая на собрании, писатели-коммунисты связали недостаточную творческую активность со слабостью в работе правления Союза писателей. Творческие секции работают плохо. По существу, прекратили свою деятельность, не получая поддержки из Ашхабада, областные отделения Союза писателей Туркмении. Слабо помогает союз молодым авторам. Например, за последние годы молодой поэт М. Сейдов написал несколько поэм, но обсуждение этих произведений почему-то бесконечно оттягивается.

Большое внимание писатели уделяли вопросам перевода на туркменский язык произведений братских литератур. В связи с этим критиковалась работа Туркменгосиздата, где нередко серьезную литературную работу поручают некавалифицированным людям. Республиканская печать редко публикует и рецензирует произведения местных авторов.

Собрание прошло активно. В прениях выступили К. Сейтаев, Д. Халдура, Н. Помма, К. Курбансахов, Б. Пуриев и другие.

РОСТОВ-НА-ДОНУ. Отчетно-выборное собрание партийной организации Ростовского областного отделения Союза писателей обсудило отчетный доклад о работе партбюро и избрало новый состав бюро. В докладе в прениях отмечалось, что писатели Дона за минувший год добились некоторых положительных результатов в своей творческой работе. Опубликованы первой книги трилогия «Сотворение мира» В. Закруткина, повесть «Полая вода» М. Никулина, роман «Звезда над поселком» А. Фарбера, историческая повесть «Тимофей Новгородец» Б. Изюмского. С новой поэмой и циклом стихов выступил А. Гарнакерьян. Продолжал трудиться над крупными произведениями А. Калинин, М. Соколов, Г. Шолохов-Синявский, Д. Петров (Бирюк), А. Оленчик-Гнеенко. Старейший писатель П. Максимов закончил большую статью монографического характера о работе А. Фадеева над романом «Разгром». Выполняя решение прошлого отчетно-выборного собрания, партбюро в правление отделения больше уделяло внимания работе с молодыми авторами: оживилась любительская «Дон», создано Каменское областное объединение начинающих авторов в гор. Шахты. За отчетный период на страницах альманаха «Дон» впервые опубликовали свои произведения 98 молодых авторов — прозаики, поэты и критики. Вместе с тем участники прений отмечали, что в деятельности партбюро и правления отделения имеются серьезные недостатки. Как говорил А. Оленчик-Гнеенко, А. Гарнакерьян, Б. Изюмский, И. Стальский, в отделение не доведена до конца борьба с бездумным, бюрократическим отношением к творчеству в судьбе отдельных литераторов. Не изжиты элементы командования и администрирования в работе правления, не всегда соблюдались коллегиальность.

На собрании указывалось, что партбюро в правление отделения уделяло мало внимания организации творческих обсуждений и дискуссий. В частности, не были обсуждены ни в рукописи, ни после опубликования роман В. Закруткина, повести М. Никулина и Б. Изюмского.

Участники прений М. Соколов, Ю. Жданов и А. Гарнакерьян говорили о том, что под флагом борьбы с лакировкой действительности, с культом личности и его последствиями некоторые деятели литературы и искусства пытаются чернеть и разносить все то, чего добился наш народ. В этой связи они резко критиковали роман В. Дулинцева «Не хлебом единым».

Говоря о более активном творчестве писателей в жизни, глубоко проникновения их в явления и факты нашей действительности, участники прений обращали внимание на необходимость коренного улучшения идейно-воспитательной работы в партийной организации.

Большое место в отчетном докладе в прениях заняли вопросы, связанные с подготовкой к выходу ежемесячного литературно-художественного и общественно-политического журнала «Дон».

К 60-летию Н. Тихонова

Четвертого декабря исполняется 60 лет со дня рождения Николая Тихонова, известного советского поэта, председателя Советского комитета защиты мира, члена Бюро Всемирного Совета Мира. Для проведения юбилея секретариат Союза писателей СССР образовал комиссию под председательством К. Симонова. В Колонном зале Дома союзов состоится торжественный вечер. В Центральном доме литераторов в Москве организуется выставка, посвященная творчеству Н. Тихонова.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 139 (3640)

Четверг, 22 ноября 1956 г.

Цена 40 коп.

ВИДЕТЬ ВСЮ ПРАВДУ!

Открытое письмо французским писателям, опубликованное во «Франс Обсерватэр» заявление «Против советского вмешательства»

Обращаясь к вам с этим письмом, мы считаем необходимым начать его с того, чтобы полностью привести текст нашего заявления, на которое мы ждем ответа.

Вот он, этот текст: «Нижеподписавшиеся, никогда не проявлявшие недружественных чувств к СССР и социализму, сегодня считают себя вправе заявить протест Советскому правительству против использования луже и танков для подавления восстания венгерского народа и его стремления к независимости, даже учитывая тот факт, что к этому восстанию примешались реакционные элементы, выступавшие с обращениями по радио повстанцев.

Мы считаем и неизменно будем считать, что социализм, как и свобода, нельзя принести на острие штыка. Мы опасаемся, что правительство, навязанное силой, вскоре будет вынуждено для того, чтобы удержаться, само прибегнуть к принуждению и вытекающим отсюда несправедливостям по отношению к собственному народу.

В частности, будучи уверены, что в настоящее время не планируются никаких мер, направленных против свободы венгерских писателей, мы все же не можем отделиться от беспокойства за их судьбу в будущем, и мы заранее выступаем против любых преследований, предметом которых они могут стать.

Учитывая сказанное, мы с не меньшей силой выступаем против лицемеров, имеющих наглость сегодня возмущаться тем, с чем еще вчера они преспокойно мирятся. Мы отрицаем право протеста против советского вмешательства в Венгрии за теми, кто хранил молчание или даже высказывал одобрение, когда Соединенные Штаты зашлиши в крови свободу, завоеванную Гватемалой.

Мы отрицаем это право и за теми, кто осмеливается говорить о «правом перевороте» в тот момент, когда они громко аплодируют «выступлению» в районе Суэцкого канала». Мы отрицаем это право за министром, который в тот самый момент, когда посланные им парашютисты вторглись на египетскую землю, проявляет предельный цинизм, осмеливаясь говорить о свободе наций, и голосом, исполненным пафоса, клеймит тех, кто посягает на эту свободу.

Первое и основное требование, с которым мы обращаемся к Советскому правительству, как и Французскому правительству, — это требование истины. Там, где истина торжествует, преступление становится невозможным, там же, где истина подавляется, не может быть ни справедливости, ни мира, ни свободы.

Жан Поль Сартр, Веркор, Клод Руа, Роже Вайян, Симона де Бовуар, Мишель Лейрис, Жак-Франс Роллан, Луи Вильфос, Жанни Бунсуан, Жак Превер, Коллетт Одри, Жан Оранж, Пьер Бост, Жан Ко, Клод Ланман, Марсель Пежо, Проманд, Жан Рейберой, Андрэ Спир, Лоран Шварц, Клод Морган».

Мы надеемся, что вы в своем очерке позаботитесь, чтобы наш ответ вам был опубликован во Франции, там же, где было опубликовано ваше заявление.

А теперь поговорим по существу и начистоту, это особенно необходимо в такой трудный момент истории человечества. Вы пишете, что требуете истины. Давайте установим ее.

Да, то, что произошло в Венгрии, тяжело и трагично. Но вы видите в этом лишь одну сторону. Вы говорите только об участии советских войск в этих событиях, хотя этот факт не заслонил от вас других происходящих в мире событий. Вы хотите видеть правду и поэтому отмахиваетесь от тех политических спекулянтов, кто ныне, протестуя против участия советских войск в венгерских событиях, «хранил молчание или даже высказывал одобрение, когда Соединенные Штаты зашлиши в кровь свободу, завоеванную Гватемалой».

А теперь поговорим по существу и начистоту, это особенно необходимо в такой трудный момент истории человечества. Вы пишете, что требуете истины. Давайте установим ее.

Да, то, что произошло в Венгрии, тяжело и трагично. Но вы видите в этом лишь одну сторону. Вы говорите только об участии советских войск в этих событиях, хотя этот факт не заслонил от вас других происходящих в мире событий. Вы хотите видеть правду и поэтому отмахиваетесь от тех политических спекулянтов, кто ныне, протестуя против участия советских войск в венгерских событиях, «хранил молчание или даже высказывал одобрение, когда Соединенные Штаты зашлиши в кровь свободу, завоеванную Гватемалой».

Мы надеемся, что вы в своем очерке позаботитесь, чтобы наш ответ вам был опубликован во Франции, там же, где было опубликовано ваше заявление.

А теперь поговорим по существу и начистоту, это особенно необходимо в такой трудный момент истории человечества. Вы пишете, что требуете истины. Давайте установим ее.

Да, то, что произошло в Венгрии, тяжело и трагично. Но вы видите в этом лишь одну сторону. Вы говорите только об участии советских войск в этих событиях, хотя этот факт не заслонил от вас других происходящих в мире событий. Вы хотите видеть правду и поэтому отмахиваетесь от тех политических спекулянтов, кто ныне, протестуя против участия советских войск в венгерских событиях, «хранил молчание или даже высказывал одобрение, когда Соединенные Штаты зашлиши в кровь свободу, завоеванную Гватемалой».

Франции на друзей нашей страны. А именно в эти дни, когда вы опубликовали свое заявление против нас с призывом к «торжеству истины», советские солдаты, жертвуя своими жизнями, спасали десятки, а может быть, и сотни тысяч жизней от разгрома фашистского террора.

Если бы этого не случилось, мы уверены, что вы спустя некоторое время писали бы другого рода заявление — протест против бешеного, кровавого разгрома контрреволюционеров в Венгрии. Фашисты, как это давно известно, не склонны к методам переубеждения. Они начинают режачи в Рейхстаге, а кончают пачи в Освенциме. Что касается венгерских фашистов, то они сразу начали с виселиц на улицах Будапешта и с крестов Варфоломеевской ночи на дверях жилищ коммунистов. Они начали с тысячей убитых для того, чтобы перейти к десяткам тысяч. Они не пренебрегли при этом ни одним из атрибутов фашизма, начиная с костров из книг и кончая еврейскими погромами. Разве случает тот факт, что фашисты уничтожили в Будапеште памятник Димитрову, чье имя прежде всего ассоциируется с историческим лейпцигским процессом, с тем бесстрашным отпором, который этот мужественный и беззащитный тогда человек дал пришедшим к власти фашистам в Германии. Ведь фашистов узнают по «почерку», и когда они сжигают в Будапеште Национальный музей и стреляют в людей, пытающихся потушить пожар, — легко увидеть, какую школу фашистского «правописания» продолжили венгерские ученики Гитлера и сподвижники Хорти.

Вот в этих-то условиях наше Правительство по призыву Революционного Рабочего-Крестьянского Правительства Венгрии и решило оказать военную помощь Венгрии в борьбе с контрреволюцией.

Это было сделано с ясным сознанием, что, встав в позу «невмешательства», мы и вы вместе с нами стали бы свидетелями установления в центре Европы реваншистского фашистского режима.

Разве вам безразлично, во имя чего стали поперек дороги контрреволюционером советские солдаты?

Мы хотим спросить вас: какую оплату прежних ошибок, совершенных в Венгрии, в том числе связанных и с нашими былыми ошибками, — мы, люди, однажды уже вставшие поперек дороги фашизму, завоевавшему до этого всю Европу, не боимся об этом сказать, — какую оплату признали бы вы правильной?

Оплату ценой невмешательства в разгул контрреволюционного террора? Оплату ценой всей крови венгерских трудящихся, которую проливали и проливали в дальнейшем фашисты, если бы на их пути не встали советские танки?

Разве нет других путей для исправления ошибок, кроме развязывания контрреволюционных фашистских сил, которые добились ликвидации народно-демократического строя и создания в Венгрии очага новой войны?

Мы обращаемся к вам: вспомните 1936 год, вспомните события в Испании. Ведь вы разделили тогда позицию всех честных людей мира, что не может быть «невмешательства» там, где фашизм репутует мировую войну, где убивают, вешают, закапывают в землю людей во имя торжества фашизма. Подумайте: не является ли то, что произошло в Венгрии, результатом длительной подготовки реакции за пределами этой страны и что когда фашисты истязают людей в Венгрии, а французские реакционеры вслед за этим пытаются громить «Юманите», — это слишком похоже на зевья охоты пени?

Мы знаем о том отпоре, который дали реакции французские рабочие. Не является ли он символом того отношения переловых людей мира к попыткам реакции перейти в атаку, которое находится, к нашему сожалению, в столь резком противоречии с вашим заявлением?

Многие из нас встречались с вами, Веркор, Роже Вайян, Жан Поль Сартр, Симона де Бовуар, Клод Морган, в Париже, в Москве и в других городах мира.

Многие из вас проявляли мужество в трудные времена, с оружием в руках участвовали в сопротивлении фашизму. Тогда вы видели правду. Взгляните ей в глаза и сейчас!

Если фашизм, реакция попытаются взять реванш, а попытка хортистов использовать в своих целях события в Венгрии — опасный признак, мы верим, что в этом случае, в конце концов, окажемся с вами в одном лагере. И мы уже сейчас говорим вам:

Мы не хотим, чтобы черной памяти 1933 год, год прихода фашизма к власти, повторялся еще раз в истории. Ни в Венгрии, ни где бы то ни было еще!

И мы хотим, чтобы вы знали это и подумали об этом.

Мы не хотим, чтобы черной памяти 1933 год, год прихода фашизма к власти, повторялся еще раз в истории. Ни в Венгрии, ни где бы то ни было еще!

И мы хотим, чтобы вы знали это и подумали об этом.

Мы не хотим, чтобы черной памяти 1933 год, год прихода фашизма к власти, повторялся еще раз в истории. Ни в Венгрии, ни где бы то ни было еще!

И мы хотим, чтобы вы знали это и подумали об этом.

Мы не хотим, чтобы черной памяти 1933 год, год прихода фашизма к власти, повторялся еще раз в истории. Ни в Венгрии, ни где бы то ни было еще!

И мы хотим, чтобы вы знали это и подумали об этом.

БУДАПЕШТ СЕГОДНЯ

В Будапеште осень. Холодный ветер срывает с каштанов и лип последние листья, собирает их в огромные черно-золотые кучи, забрасывает в подвезды домов, в огромные, лишенные стекол витрины магазинов. Неприличные для столицы Венгрии приметы осени. Этот большой город на Дунае мало похож на тот шумный и в то же время организованный с роскошными витринами и чисто подметенными улицами Будапешт, каким он был еще в прошлом месяце.

Трагические события, о которых уже много писалось и рассказывалось, изменили лицо Будапешта. Борьба прогрессивных сил Венгрии против фашистских банд, против реакции, пытавшейся восстановить в стране хортистский режим, была нелегкой. Контрреволюционеры, заседавшие в сильно укрепленных стратегических пунктах и в ряде домов, вдохновленные реакцией всего мира, оказывали ожесточенное сопротивление. Вот почему, когда проходили теперь по Будапешту, видишь разрушенные здания, обгоревшие провода.

Програв открытый бой, контрреволюция ушла в подполье, изменила методы борьбы с народной властью. Главным оружием контрреволюции стали клевета, грабежи и разбой, убийства из-за угла, террор против всего демократического, истинно народного. Почти две недели удавалось реакции этим способом сдерживать созидательные силы рабочего класса. В эти дни фабрики и заводы бездействовали, общественный транспорт не функционировал, жизнь в городе замерла.

Но так не могло долго продолжаться. С каждым днем рабочие, прогрессивные интеллигенты убеждались в том, что под мнимыми лозунгами свободы реставраторы капитализма жестоко обманывали их.

И вот сейчас Будапешт снова пробуждается к созидательному труду, к мирной жизни. Вчерашний день был в этом отношении особенно показательным.

С утра к фабрикам и заводам, в министерства, конторы, бытовые учреждения несомкнутаем потоком шли люди. Шли, ибо метро, трамвай, троллейбусы еще не работали. Многие тысячи рабочих заполнили пещи Чепельского металлургического и машиностроительного комбината, коллектив которого одним из первых, несмотря на сопротивление реакционного подполья, выступил за возобновление трудовой деятельности. В мартиновских печах Чепеля сегодня снова плавится сталь, в машиностроительных цехах монтируются станки.

Вновь загрохотала леденки и пневматические молотки на Обудском суходостроительном заводе. Вновь пулены конвейерные ленты на Будапештском заводе сельскохозяйственного машиностроения.

Конечно, путь возвращения к мирному труду после разгрома в городе контрреволюции не легок. Большое количество оборудования вывезено из строя, материалы расхищены, многие склады и базы разграблены и сожжены. Но в среде венгерского рабочего класса все меньше и меньше уныния.

Уполномоченный Министерства металлургической и машиностроительной промышленности Янош Чергэ рассказал нам о намечающемся взводе трудового подьеме. Все честные рабочие стремятся быстрее возобновить производство. Они просят обучать, правду, уже разрозненные, нелегитимные вооруженные контрольно-охранительные и бандинские группы, что террором и угрозами пытаются аугать рабочий класс, помянуть возобновлению нормального производства.

— Если бы, — говорит Чергэ, — бывшее правительство Имре Надя вооружило рабочих и в своей политике опиралось на рабочий класс, в Венгрии никогда бы не могли произойти те черные события, свидетелями которых мы были. Рабочие Чепеля, готовые до конца защищать завоевания народной власти, уже 24 и 25 октября настойчиво требовали оружия. Однако оружие попало не к рабочим, а в руки контрреволюционеров. Рабочие Чепельского комбината получили всего сто винтовок, а контрреволюционеры и бандинты, концентрировавшиеся в Чепельском районе, — несколько тысяч.

Ясно, что силы складывались не в пользу рабочих... Там было в недалеком прошлом. Ныне польская и Чепель мы видим совсем другую картину. Хорошо вооруженные рабочие отряды вместе с представителями народной полиции бдительно охраняют социалистическую собственность.

Вооруженные рабочие отряды можно видеть не только на заводах и фабриках. Плечом к плечу с бойцами Советской Армии эти отряды восстанавливают порядок в городе. И жизнь в Будапеште все более входит в нормальную колею.

Ежедневно в городе торгуют тысячи продовольственных и промтоварных магазинов. Пока у дверей стоят еще очереди, но это не из-за недостатка товаров: большие запасы их имеются на складах. Очереди — это результат слухов, распускаемых реакцией. Без устали твердит она о предстоящем обесценении денег, товарном голоде.

Но реакция просчитается и здесь. Доказательство тому — все более полнокровно пульсирующая жизнь Будапешта, всей страны. Доказательство тому — братская бескорыстная помощь Венгрии со стороны Советского Союза, Китайской Народной Республики, Чехословакии и других социалистических стран.

Чтобы убедиться в этом, достаточно заглянуть на будапештские вокзалы. Сюда непрерывно прибывают длинные составы с мукой, сахаром, жирами, мясом, оборудованием. Особенно много поступает строительных материалов, столь необходимых изранному городу. Только сегодня из Советского Союза и других братских стран прибыло в Будапешт 117 вагонов самых разнообразных строительных материалов, в том числе 19 вагонов стекла, 58 вагонов цемента, 40 вагонов кирпича. Помощь идет из многих стран.

К вечеру в Будапеште стало еще оживленнее. На некоторых митингах началось, — а это сейчас очень важно, — движение трамваев, автобусов. Ныне польская и Чепель вновь принимают телезвонки, в том числе и международные. По телефону можно снова поговорить с Москвой, Прагой, Бухарестом и другими зарубежными городами.

На улицах Будапешта все больше рабочих с лопатами, кирками, носилками. Они расчищают завалы, убирают мусор, навешивают оконные рамы и двери, приводят в порядок витрины и фасады домов.

Оценявая обстановку, председатель исполкома столичного Совета коммунист Калман Понграц сказал нам сегодня: «Перелом наступает, реакция терпит поражение. Венгерский народ вновь встает на путь строительства социалистической Венгрии».

С. ДМИТРИЕВ

БУДАПЕШТ, 21 ноября. (По телефону).

Встреча литераторов с работниками сельского хозяйства

Что новое происходит сегодня в деревне? Какие явления — уже различные всеми и глубинные, еще не ясно видимые, совершаются там? Каковы новые сдвиги, которых можно ждать в ближайшее время? — вот те проблемы, разговор о которых состоялся 20 ноября в Центральном Доме литераторов между писателями, пишущими о деревне, и руководителями союзных министерств — совхозов, тракторного и сельскохозяйственного машиностроения, сельского хозяйства.

Писатели Г. Бакаланов, С. Антонов, В. Тендряков, А. Коженинов, В. Солухин, А. Яшин, Е. Мальцев рассказали о том, что они видели в своих поездках по стране — а целинный совхоз Казахстана, в северных лесных районах, в среднеурусской колхозной деревне.

Будущим историкам, которым предстоит изучать наше время, даже по статьям в газетах, по сухим сводкам, помещаемым в них, становится ясно, какие разительные перемены происходили в эти годы в колхозной деревне, — говорит В. Солухин.

Но для того, чтобы эти перемены совершались быстрее, чтобы темпы роста сельского хозяйства были год от года выше, необходимо еще более активизировать народ, дать больший простор его инициативе, еще более заинтересовать в результате труда. Эта мысль была основной в выступлениях

В. Тендрякова, А. Яшина, Е. Мальцева. Велик подвиг людей, в небаваю короткий срок освоивших десятки миллионов гектаров целинных земель. Этим людям следует создать нормальные условия для жизни на целине, необходимо думать о максимальном облегчении их труда в невиданных по масштабам хозяйствах, следует принимать меры к тому, чтобы не истощать плодородия целины. Об этом говорили Г. Бакаланов, С. Антонов, А. Коженинов, побывавшие в районах освоения целинных земель.

Заместитель министра тракторного и сельскохозяйственного машиностроения тов. Ежневский сообщил о мерах, которые принимает министерство для конструктивного улучшения сельского хозяйства машин. Создают системы машин для различных олов стран.

Министр совхозов СССР тов. Бенедиктов поблагодарил писателей за соображения, высказанные ими в беседе. Значение процессов, которые происходят сейчас в деревне, невозможно переоценить, сказал он. Исправляются ошибки, ликвидируются недостатки, долгие годы имевшие место во всех отраслях сельскохозяйственного производства. Многие уже сделано, но многое еще предстоит сделать.

И в том, что еще предстоит совершить, большая роль принадлежит писателям — выразителям дум и чаяний народа.

ЧУВСТВА НА ПРИВЯЗИ

Анатолий АЛЕКСИН

Недавно я получил письмо от читательницы Ланы Ланиной, студентки педагогического училища из города Серпухова. Она пишет: «У меня нет родителей, я воспитывалась в детском доме № 48 в Москве, и я очень благодарна персоналу этого детского дома, а особенно директору А. И. Дружинину за то, что я все-таки опущена теплою семьей. Может быть, потому, что я рано потеряла родителей, меня особенно радует знакомство с каждым новым хорошим человеком. Больше всего меня интересует «движения человеческой души», и поэтому я всегда очень рада, когда нахожу это в книге. Но у нас иногда встречаются книги, в которых больше обращают внимания на эффект действия, а самое главное — душу — забывают. Я учусь в педагогическом училище, в этом году была вожатой в четвертом классе и очень полюбила своих ребят. Я убедилась, что никакая строгость и требовательность не добьются успеха, если неправильно поняла душу ребенка, — и в моей будущей профессии меня привлекают именно поиски ключей к каждому характеру... Всем известно, что, вступив в пору юности, некоторые молодые люди «стесняются» проявлять свои чувства. А как хорошо, когда человек не стыдится этого и говорит о своих чувствах к людям, родным и знакомым открыто, душевно и чисто...»

Эти последние строки заставили меня серьезно задуматься. Захотелось поделиться своими мыслями не только с Ланой Ланиной. Поэтому свой ответ Лана я решил опубликовать в «Литературной газете».

Дорогая Лана! Ваше письмо глубоко взволновало меня. Оно вызвало тревожные мысли о многом: о теплоте человеческой, о том, некоторые молодые люди, вайши и мои друзья, боясь показаться сентиментальными, впасть в чувствительность, гасят в себе настоящие чувства. Горячие, искренние слова о горячих, искренних движениях души они считают старомодными: им было место в прошлом веке, а мы живем в пору суровой выжидательности. Боясь быть высокопарными, они парят так низко, что рискуют врезаться в землю. Впрочем, Лана, проблема, которая волнует вас, в каждом случае настолько интимно-индивидуальна, что не стоит сразу делать выводы. Лучше обратимся к фактам, с которыми столкнулся моя жизнь.

«Треугольные» — понятие геометрическое. Однако в наших повестях, рассказах и пьесах о треугольниках написано ничуть не меньше, чем в учебниках геометрии. Речь, разумеется, идет о так называемых «любимых треугольниках».

В «треугольных» литературных произведениях (как и в фильмах) действие обычно разворачивается по следующей схеме: два парня любят девушку. Один из них — удачливый и легкомысленный красавчик, буквально вопиющий о своих чувствах. А другой — сдержанный и очень цельный молчаливец, одолевший. Он молчит, только издает преданно взирает на предмет своего обожания, но в последней главе неизменно одерживает победу.

Внутри одного «треугольника», который я наблюдал в жизни, все происходило как раз наоборот. Победил «красноречивый» юноша, не скрывавший своих чувств. Он, как говорится, умел «красиво ухаживать». Само по себе выражение не очень благозвучно, но суть его была не так уж неприятна девушке. Молодой человек посвящал ей стихи и даже романсы; в дни, когда она сдавала экзамены, он часами дежурил на улице возле института. Он не забывал, что ее интересуют новые фильмы, театральные премьеры и «даже» художественные выставки.

А мой близкий друг, представлявший другую заинтересованную сторону «треугольника», действовал, как вы сказали, очень благородно, а в общем весьма бессмысленно: он все молчал. И даже

подвел под свое бездействие теорию, почерпнувшую из тех же «треугольных» художественных произведений: истинная любовь-де всегда молчалива! И что же? Девушка вышла замуж за другого.

Тогда лишь моего друга прорвало! Он вдруг вспомнил, что Пушкин, Лермонтов, Гейне, Блок совсем не боялись пылких и нежных слов. Он вдруг вспомнил, что не так уж молчаливы были Ромео и Арбеня, Анна Каренина и пушкинский Алеско. И даже мрачный Демон, «дух изгнанья», был не так уж «замкнут в себе»:

Я раб твой, я тебя люблю!
Лишь только я тебя увидел,
И тайно вдруг возненавидел
Бессмертие и власть мою.

Мой товарищ вдруг понял, что никакие слова любви и ласки не звучат банально или пошло, если только они произносятся голосом сердца. А он-то стеснялся этих прекрасных и возвышенных слов, хотя девушку любил по-настоящему возвышенной любовью. И откуда пришла к нему эта мысль, будто наш век не понимает страстного и поэтического выражения чувств. Понимает и ждет!.. И девушка тоже ждала...

Все понял мой друг, но было уже поздно. Приводя этот случай, я вовсе не собираюсь выводить из него некие железные «законы поведения влюбленных». В жизни по-разному бывает... Я лишь хочу выразить сомнение по поводу романтизации в некоторых наших произведениях человеческой сущности и «молчаливости» чувств.

...В течение многих лет подраб, примерно раз в три месяца, ко мне из соседнего дома приходила маленькая, сухощавая старушка с конвертом, который она несла в руках бережно и торжественно. Это было письмо от сына, инженера, жившего на Урале, в большом областном городе. Я должен был читать эти письма старушке (сама она была неграмотна). Когда я разворачивал большой лист бумаги, на котором где-то в центре вписаны шесть-семь мелких строчек, старушка наедала на носочки: то ли она хотела получить разгадать мое лицо в момент чтения, то ли хотела спрятать волнение и внезапные слезы, которые текли по щекам медленно, с трудом преодолевая глубокие морщины.

Письма, как я уже говорил, приходили аккуратно — один раз в три месяца, так сказать, «покалывало». Да и содержание их очень напоминало квартальный отчет о служебных и семейных делах инженера.

По ходу чтения я, сам того не замечая, оживлял и «утеплял» письма собственными фразами и обращениями к старушке. Именно эти фразы она просила перечитывать по несколько раз. Ей и в голову не приходило, что такой большой текст просто не мог уместиться в семь коротких строчках. А я думал: «Зачем инженер заставляет меня лгать? Почему он не хочет порадовать мать теплым словом? Разве сыновья любовь тоже должна быть молчаливой?»

А потом старушка умерла... И инженер пришел с Урала на похороны. Я видел его среди той осыпи, бедно-глубокой тишины, какая бывает в комнате, где на столе стоит гроб. Сын, огромный, широкоплечий детина, горько и беззвучно плакал, неловко утираясь кожаными перчатками: висло, неприглядное это было для него дело — слезы. И по этим мужским слезам я понял, что он глубоко любил мать. Так почему же он не согрел ее при жизни теплотой благодарного сыновнего чувства?

...Некоторые люди вырабатывают для себя этикет «правил движения души» — что вроде правила уличного движения. И следуют им, боясь, что за нарушение чье-то

мнение наложит на них суровый штраф. Особенно печально, когда таким правилам подчиняют свои душевные нормы и поступки совсем еще юные люди, только снаряжающиеся в самостоятельную жизнь.

Я слышал, как два друга, мальчишки-семиклассники, часе восторгалась своей учительницей истории. Они ждали ее уроков с таким же нетерпением, как очереди в библиотеке на новую книгу, которую они характеризовали коротко, но по-своему выразительно — «мировая».

И мне, помню, очень хотелось, чтобы учительница хоть случайно услышала их разговоры: я знал, что в школе, верные законам «мужской сдержанности», мальчишки не обнаружат свои чувства, что учительница не почувствует их привязанности.

И вот однажды старая учительница заболела.

— Ты ведь любишь ее? — спросил я одного из мальчишек.

Он мрачно кивнул в ответ: слово «любить» показалось ему слишком громким.

— Так зайдешь к ней домой. Узнай, как здоровы...

Мальчишка помрачнел еще больше и невинно пробормотал:

— Нельзя...

— Почему нельзя? — удивился я.

— Скажут подхалимаж...

— Кто скажет?

— Найдутся такие...

— Так неужели для тебя мнение этих самых «стакан» дороже радости, которую ты доставишь старой, больной женщине?

Мальчишка молчал. Я не сдавался:

— Захвати с собой других ребят. Вупте цветы и зайди к ней.

Тут уж мой семиклассник просто испугался:

— Что вы, что вы?! Учителям нельзя дарить подарки... Есть такая... ну, инструкция, что ли...

Мальчишка, путавшийся в правилах грамматики, он уже твердо знал все инструкции и предписания, которые мешали ему доставить радость старому человеку.

Почему? Кто в этом виноват? Быть может, родители, которые и с сыном были неслесков да и вообще остерегались непосредственности в выражении чувств? Или предпочитали деловую осторожность и обдуманность каждого шага. А быть может, виновата была и другая учительница, которая упорно приучала своих питомцев к сухому анализированию всего самого прекрасного: «Разберем образ Татьяны Лариной... Проанализируем любовные мотивы в лирике Пушкина».

...Знал я одну молодую супружескую пару. Вернее сказать, супруги были молоды по возрасту, а стаж совместной жизни был у них уже весьма солидный. Все в этой семье с виду обстояло хорошо, благополучно. И я даже ставил ее в пример себе и приятелям, семейный очаг которых слегка задымил или даже грозил вовсе потухнуть.

Но вот однажды вечером (это было накануне восьмого марта) я вместе с ним и с нею прогуливался по улице, сверкавшей бесконечным рядом витрин. Из дверей магазинов высказывались возбужденные покупатели, преимущественно мужчины, как всегда бываешь в такие дни. Они на ходу разглядывали свои покупки, и на лицах была трогательная старанность: а то ли я купил, что нужно? Спугнула наша вдруг помрачнела. Лицо ее искажилось, предвещая слезы.

— А ведь Сергей, — сказала она, кивнув в сторону мужа, — за десять лет ни разу даже флакона духов мне не подарил. Честное слово!.. И даже маленького букетика ландышей домой не привнес.

Сергей искренне возмутился: ведь он отдает жене все деньги и отчета не требует: пусть покупает себе все, что угодно! Пусть, наконец, купит себе подарок от خود, Сергея, имени. Какая разница, — он скрывает

Новые стихи

Джемалдин ЯНДИЕВ

Язык человека

Когда ты несешь нам и злбу,
и ложь,
Какой ты презренный, язык
человека!
Когда ты ничтожество сердца
несешь,
Ты людям, земле ненавиден от
века.
Будь проклят, бесчестный язык
человека!
Когда ты несешь нам добро,
правоту,
Какой ты богатый, язык человека!
Когда ты нам сердца дарить
чистоту,
Ты можешь расправить вершины
Казбека,
О, мира отграда, язык человека!

Путнику

Возвращаясь или пускаясь в путь
Ночью, днем,
В полях или в тревоге,
От жолки вдали
Иль на пороге,
Торопясь
Иль вдумав отдохнуть,
Если ты увидишь на дороге
Камешь
И захочешь путнику помочь,
Что шагает за тобою следом
(Даже если он тебе неведом),
Чтобы не споткнулись ноги, —
Камешь отыщирай с дороги прочь.
Так и ты, поэт!
По волюной воле
Если к правде,
Если к лучшей доле
Ты не желаешь всех людей вести,
Постарайся песнями своими
И делами честными своими
Убирать плохое с их пути.

Перевел с киргизского С. Липкин

за подарком в магазин или она сама? У нее и вкус лучше, а то купишь что-нибудь, и сама же будешь не рада...

— Он ведь и о дне годовщины нашей свадьбы не всегда вспоминает, — махнула рукой жена. — Это, дескать, пустая механическая формальность.

На следующий день Сергей в откровенном разговоре жаловался на жену: — И что ей только нужно? Не понимаю! Зарплата у меня прилично. Не пью и даже не курю... Только что новую комнату получили. Другая бы счастлива была!

Нет, он не понимал, что не зарплатой одной и жилищомодью жив человек! — За десять лет, кажется, грубого слова не сказал, — продолжал врать оскорбленный супруг.

Ему было невдомек, что душевная честность и грубость чувств оскорбляют не меньше, чем словесная грубость... А ведь он любил свою жену!

Скрывать, таить от людей то хорошее, что есть в тебе в сердце, это все равно, что оставлять нетронутыми в недрах земли богатейшие залежи драгоценных камней, золотые бесценные россыпи. А их бы надо извлекать на поверхность и щедро дарить людям!

...Вот какие мысли вызвало у меня, Лана, ваше письмо!

РАЗВИВАТЬ ДЕЛОВУЮ ДРУЖБУ БРАТСКИХ ЛИТЕРАТУР!

Товарищеский контакт

С чувством удовлетворения прочитавшим, мы, азербайджанские литераторы, письмо группы писателей Узбекистана, опубликованное 20 октября в «Литературной газете». Да, действительно, обмен творческим опытом всем нам, советским литераторам, крайне необходим. Он делает еще более плодотворными творческое взаимодействие, те постоянные духовные связи, которые так характерны для нашей многонациональной литературы.

Безусловно правильно предложение о региональных встречах писателей братских республик. У литераторов Закавказья такие встречи были в прошлом неоднократно, и для обмена творческим опытом они имели серьезное значение. Мы помним, какой плодотворной была проведенная в 1944 году в Тбилиси декада музыкального искусства Грузии, Армении и Азербайджана. Почтенный опыт наших художников: они регулярно устраивают межреспубликанские творческие конференции в Тбилиси, Баку, Ереване. Весной этого года в столице Азербайджана состоялась встреча художников-карикатуристов.

В Азербайджане, как и в других наших республиках, каждый год увеличивается издание книг, переведенных с языков народов СССР. В планах азербайджанских издательств значительное место занимают произведения писателей Узбекистана, Армении, Грузии, Узбекистана и других братских республик. Более тесные и деловые связи между писателями помогли бы еще лучше и продуманнее знакомить трудящихся разных республик с достижениями многонациональной советской культуры.

В качестве ближайшего шага к осуществлению ценной инициативы узбекских писателей мы предложили бы совместную встречу в Баку в октябре 1957 года писателей Азербайджана, Узбекистана, Туркмени, Таджикистана, Казахстана, Киргизии для обсуждения вопросов развития современной литературы этих республик.

Пусть рвнрут и развиваются деловые творческие связи писателей братских республик!

Сулейман РАГИМОВ, Мехти ГУСЕЙН, Сулейман РУСТАМ, Али ГИНИЕВ, Мир Джафар Алиев, Ариф Сеидов, САРЫВЕЛИИ, Расул РЗА, Мамед РАГИМ Ильдус ФОНДИЕВ, Бахтияр ВАГАЗЗАДЕ, Зейнал ХАЛИЛ, Ахмед ДЖАМИЛ, БАКУ

Жизнь показала, что такие творческие связи необходимо поддерживать и в дальнейшем, и поддерживать в более широком масштабе. Действительно, почему бы нам не провести дискуссии о современных проблемах нашей поэзии? О своеобразии поэзии близких по языку народов? На такие обсуждения надо приглашать поэтов не только соседних республик. Например, на обсуждение творчества среднеазиатских поэтов хорошо было бы пригласить поэтов Прибалтики.

Итак, мы тоже за деловую дружбу собратьев по перу. Нам кажется, развивать и организационно помогать этому делу должен не только секретариат, но и президент Союза писателей. Опыт, накопленный в писательских организациях республик, нуждается в широком обобщении и пристальном изучении.

Алы ТОКМБАЕВ, Кудачинчен МАЛИНОВ, Тамирхан УМАТЛИЕВ, Абдурауф ТОКТОМУШЕВ, Сооронбай ДУСУЕВ

гор. ФРУНЗЕ

Необходим обмен книгами

Недавно на одном своем собрании чувашские писатели горячо высказались за расширение «границ» переводческой деятельности. Дело в том, что перевод и издание произведений писателей братских республик в Чувашской АССР до сих пор носили в значительной степени случайный характер. В тематическом плане Чувашского государственного издательства, например на 1957 год доведено много «белых» пятен, в него не включены произведения писателей многих братских республик. А эта работа — издание книг писателей братских народов на чувашском языке — насущно необходима для того, чтобы предстоящие деловые встречи наших писателей с литераторами других республик проходили по-настоящему плодотворно.

Правда, за последние годы на чувашский язык переведено 71 произведение украинских писателей, 48 произведений татарских писателей, изданы отдельные книги или опубликованы в журналах стихи, рассказы, повести и романы белорусских, грузинских, казахских, таджикских, марийских, армянских, азербайджанских, латышских, осетинских, киргизских, туркменских писателей. Готовится к изданию большой сборник произведений эстонских писателей и некоторые другие книги.

И все-таки этого крайне мало. Читатели требуют большего. Мы уже наметили к изданию на чувашском языке книги писателей союзных и автономных республик не только на 1957, но и на 1958 год. Немалая роль будет отведена печатным органам Союза писателей. В этом отношении богатый опыт накоплен редакцией нашего журнала «Ялав». В 1956 году журнал познакомил своих читателей с довольно большим количеством произведений инонациональных писателей.

В 1954 году представители чувашской писательской организации принимали участие в работе съездов писателей Украины, Татарии, Башкирии, Удмуртии, Марийской и Мордовской АССР. Мы, по-видимому, будем приглашены и на будущие съезды писателей многих республик. В подарок нашим товарищам мы хотим привезти их книги в переводе на чувашский язык. Такие подарки, по нашему мнению, во много раз важнее и нужнее торжественных собраний и банкетов. Без взаимного обмена книгами вообще немиссиям разговор о деловых литературных связях.

Целиком поддерживая предложения узбекских поэтов о расширении территории литературных «недель» и «декад» и думаю, что их также невозможно проводить без широкой пропаганды достижений литературы на языках народов СССР.

ЧЕБОКСАРЫ

А. ТАЛВИР

Мы за такую связь

Предложение узбекских поэтов о деловой дружбе от души поддерживаем, ибо такая творческая связь поможет нам ближе узнать друг друга, разрешит проблемные вопросы нашей творческой жизни, окажет теоретическую и практическую помощь писателям республик.

В этом отношении поэты Киргизии и Казахстана имеют некоторый опыт. В прошлом году по инициативе Союза писателей Киргизии был проведен вечер казахской поэзии во Фрунзе. Киргизские поэты пригласили к себе своих коллег из Казахстана. Было организовано обсуждение творчества казахских поэтов. Они выступили перед читателями города Фрунзе, перед студентами Киргизского государственного университета. Киргизские писатели и читатели дали им ряд советов, сделали товарищеские замечания, высказали свои мысли о творчестве отдельных казахских поэтов.

А в мае этого года Союз писателей Казахстана провел вечер киргизской поэзии в Алма-Ате. Группа киргизских поэтов выезжала туда.

В газетах и журналах обеих республик были опубликованы материалы об этих встречах, о творчестве поэтов, напечатаны стихи. Как и во Фрунзе, в Алма-Ате тоже были затронуты некоторые общие вопросы нашего поэтического мастерства.

ТВОРЧЕСКАЯ ТРИБУНА

Забывтые имена

Н. Гудзин

I. Поступательное движение в любой отрасли культуры, науки, искусства немисливо без освоения достижений прошлого, положительного опыта деятелей прошедших эпох. Это — самоочевидная истина. Наше литературоведение развивалось усилиями историков и теоретиков литературы и литературных критиков — революционных демократов (Белинского, Чернышевского, Добролюбова). Подлинно научные методологические основы его заложены были в трудах основоположников марксистской науки в России — Ленина и Плеханова.

Как бы велик вклад революционно-демократической критики в русскую литературоведческую науку, нельзя забывать о том, что литературоведение само по себе как историческая и историко-теоретическая дисциплина не являлось основной целью их работы. Оно не являлось также главной задачей передовых писателей и критиков, их предшественников. Литературоведческие проблемы, как правило, подчинены были потребностям художественной критики и намеренно, незамаскированно проводившимся злободневным публицистическим взглядам. Передовая русская критика не вдавалась в такой мере, как наука о литературе, в цель исторического освоения фактов, изучения их генезиса, их систематизации, собирания и разяснения, наконец, теоретического их осмысления в свете мирового литературного процесса и международных связей. Литературоведение неизбежно должно было обособиться в специальную дисциплину, лишь допустив специальную критику. Такой самостоятельной дисциплиной оно продолжает существовать и в наше время.

Само собой разумеется, что наука о литературе, как и сама литература, отражала борьбу классовых сил, участвовавших в творчестве нашей культуры, столкновение их общественно-политических идеологий — прогрессивных и реакционных.

Нужно иметь также в виду, что русская литературоведческая наука развивалась не изолированно от науки западноевропейской, а в связи с ней, ее развитием, по рою следу за ней, иногда ее опережая. В исторических судьбах нашего литературоведения, в тех этапах, через которые оно

прошло, была своя закономерность, как и в судьбах любой другой науки, и странно было бы ее движение огулом объяснять производом того или иного деятеля. И недостатки, и достижения нашей науки о литературе находят параллель в общеевропейском литературоведческом процессе.

Русское академическое литературоведение выдвинуло ряд выдающихся имен. Среди них — Буслев, Пылин, Тихонравов, Потебня, Александр Веселовский, В. Миллер, Шахматов. Не упоминаем имен многих других, — они в той или иной мере шли по стопам названных ученых. В настоящее время при отделе литературы и языка Академии наук СССР существует комиссия по истории филологических наук. Ее задача — широко изучать и публиковать научное наследство дореволюционных и советских литературоведов и языковедов.

В рамках газетной статьи невозможно осветить даже то, что связано с деятельностью хотя бы перечисленных выше русских литературоведов. Поэтому мы сосредоточим внимание на двух именах, наиболее показательных для истории дореволюционной русской науки о литературе, — на Буслеве и Александре Веселовском.

2. Если не считать подготовительной работы, проделанной в области русского литературоведения до 40-х годов XIX века, то первой выдающейся фигурой в русской науке о литературе был Буслев. Этот ученый отличался незаурядной самостоятельностью и большой широтой своих интересов. Он сделал крупный вклад в науку как историк литературы и народной поэзии, историк древнерусского и византийского искусства, как языковед и археолог. Он сыграл немалую роль в дальнейших судьбах русской историко-филологической науки.

В ранних своих работах, 40-х — первой половины 60-х годов, Буслев был приверженцем филологической теории, основоположниками которой являлись немецкие ученые — братья Гримм. Суть этой теории заключалась в том, что народное поэтическое творчество индоевропейской семьи народов наряду с их языком уходит в глубокую древность. Общность мотивов

и сюжетов в поэтичском материале отдельных народов объясняется общностью их природы. Согласно этой теории, народы создали мифологическую систему еще в той общей колее, из которой затем разошлись и донесли до позднейших времен основы древней мифологии. Для своего развития филологическая наука, она в условиях тогланней немецкой действительности была проникнута идеями демократизма и народолюбия. Вместо преимущественного культа корифеев литературы эта школа отстаивала собирание и изучение божественных произведений народного творчества. Не удивительно, что в пору жившейся в России крестьянской реформы она привлекала внимание Буслева, сочувственно относившегося к раскрепощению народа. Но он не был слепым последователем своих учителей. Наряду с мифологическими элементами в произведениях русского устного творчества и в письменных памятниках Буслев усматривал и такие стороны, которые определялись историко-бытовыми, социальными, географическими и книжными влияниями.

Буслев не отгораживал творчество русского народа от творчества других народов, не замыкал его в изолированных рамках. В сближении своего с чужеземным он не видел ущерба для национальной культуры и не усматривал в этом ее принижения. «Нельзя довольно надвигаться», — говорил он, — почему некоторые из исследователей нашей старины смотрят по-директорски на сближения наших древнейших обычаев и преданий с чужеземными, и особенно с западными... Национальность каждого народа, которому предназначена великая будущность (а таков и народ русский), обладает особенною силою протравлять в свою собственность все, что входит в него извне. Следовательно, указывая на чужеземные влияния на русскую старину, исследователь говорит не столько во вред, сколько в пользу нашей народности, которая вышла самостоятельной из-под всех чуждых наростов, усвоив себе из чуждого только то, что согласно ее существу». И тут же Буслев оговаривается: «Само собой разумеется, что при основательном исследовании нашей старины могут попадаться и такие подробности, которые на Руси могли перейти на север к немецким племенам». Большое значение придавал он установлению и изучению родственных связей русского

народного эпоса с эпосом других славянских народов.

Возражая против «аристократического» направления в подходе к литературе, против обращения исследователей только к светским литературам и искусствам, Буслев порицал пренебрежение к той литературе, которая удовлетворяла интересам широких народных масс. Он был против того, чтобы в оценке произведений искусства руководствоваться готовыми формулами условных эстетических теорий. Он не признавал нормативных, исторических оценок, но не был против эстетического суждения о художественных произведениях вообще. Будучи сам очень чутким ценителем литературы и изобразительного искусства, являясь первоклассным мастером слова в своих собственных трудах, Буслев считал, что историк литературы и искусствовец должны идти путем «историко-филологической и эстетической критики». Стоит обратиться к статьям Буслева в его «Исторических очерках русской народной словесности и искусства», чтобы убедиться в том, с каким тонким умением и мастерством подошел он к художественной оценке памятников литературы и искусства. Именно его выдающиеся эстетические восприимчивость вместе с большой эрудицией в области эстетики позволила ему стать полновластным новатором в сравнительном анализе словесного и изобразительного искусства.

С конца 60-х годов Буслев признал ошибочность и устарелость филологической школы в ее основных положениях, отдавая преимущество через ней теории взаимного литературного общения между народами. Он уже не работал с прежней интенсивностью в области литературоведения, предоставляя это дело своим ученикам, в первую очередь Александру Веселовскому, и сосредоточился, главным образом, на изучении древнерусского и византийского искусства. Теория широкого литературного общения между народами, притом не только индоевропейской ветви, при всех допущенных ею просчетах, являлась, во всяком случае, шагом вперед по сравнению с теорией филологической. Прогрессивное ее значение заключалось в том, что в мировом литературном процессе было доказано участие не только избранной индоевропейской семьи народов, но и народов, не входивших в эту семью и стоявших на низкой ступени развития, вплоть до культурно отсталых племен Америки и Африки. В свете этой теории, как писал Буслев, сравниваются в своих достоинствах все народности, в какой бы породе

они ни принадлежали и на какой бы ступени цивилизации ни стояли...»

Указав на дилетантское господство грамматической школы, не выходящей за пределы индоевропейской семьи языков, Буслев далее писал: «Между тем учения пылкостью, но довольствуясь соплеменной областью индоевропейской, направляла свою деятельность и на другие, чуждые народности, каковы алтайские, семитические, народности дикарей Нового Света, и в результате исследований по этому предмету оказалось, что большая часть преданий и сказаний, которые сначала признавались собственностью народов индоевропейских, встречается в паразитическо сходных чертах — в финской Калевале, то в каком-нибудь мифе или обряде краснокожих дикарей Америки».

Нетрудно видеть, какое прогрессивное значение имеют эти высказывания Буслева, особенно в свете исторических событий наших дней, когда все шире и шире происходит освобождение многих народов земного шара от колониальной зависимости, дающее им возможность увелечить вклад в общемировое культурное развитие.

Новые литературоведческие позиции Буслева особенно наглядно сказались в его большой статье «Перехожие повести и рассказы», написанной в 1874 году и прослеживавшей международные литературные влияния и заимствования. Но он не учитывал исторических условий, породивших самый факт влияния и заимствования, и того национального творения, которое они приобретают. Кроме того, Буслев исходил из несостоятельного положения о преобладании власти устоявшейся традиции в литературном процессе, что вскоре подхвачено было и Веселовским. Нужно сказать, однако, что это ошибочное положение вытекало из него, пусть несправедливо, из взвешанного взгляда на роль народных масс в создании мировых художественных ценностей.

Общие существенные недостатки литературоведческих трудов Буслева вытекали из отчуждения от тех путей, которыми шло развитие русской революционно-демократической критической мысли, а порою и из отрицательного отношения к ним, чем и обусловлены были суровые отзывы о его научной деятельности, особенно со стороны Чернышевского. В самом горячем порыве второго этапа освободительного движения в России Буслев, будучи, несомненно, проникнутым живым сочувствием к народу, был, однако, далек от политической задачи, которым служила передовая русская общественность.

Труды Буслева, особенно по истории литературы и народной поэзии, с точки зрения наших требований, представляемых в науке о литературе, во многом устарели, но не утратили пафос научных исканий, вложенных в эти труды, не устарели в большинстве случаев богатство накопленного в них материала и, главное, присутний им высочайший эстетический вкус и высокая культура художественного анализа памятников литературы и искусства.

3. Следующий этап в истории русского литературоведения связан с деятельностью ученика Буслева — профессора Петербургского университета и академика Александра Веселовского. Интересы его не отличались таким разнообразием, как у Буслева: он, например, специально не занимался вопросами языкознания и истории искусства, как его учитель. Но в области литературоведения Веселовский обнаружил паразитическую широту знаний. Он был первоклассным знатоком русско-славянского, византийского и западноевропейского литературного средневековья, древнего и нового фольклора различных народов, литературы эпохи Возрождения, новой русской и западноевропейской литературы, этнографии. Ему принадлежат многочисленные работы по истории литературы и ряд трудов по теории литературы и психологии творчества. Свободно владел большим количеством европейских языков (древних и новых, в том числе и славянских). Веселовский имел возможность привлекать тексты на самых разнообразных языках.

С вступлением Веселовского на научное поприще русское литературоведение вышло на новый путь. Филологическая теория в ее устоявшейся форме, с позиций которой литературоведы старой школы подходили к изучению народного творчества и памятников старинной литературы, не удовлетворяла ученого. Вслед за первыми тузами, ревнованными основными положениями этой школы, — выдающейся книгой Пылина «Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских» и известным исследованием немецкого ученого Бенфея о «Панчатантре» — Веселовский стал на путь сравнительного исторического изучения памятников литературы и фольклора, руководствуясь теорией международного литературного общения. Он не отрицал целиком филологической гипотезы применительно к произнесению народного творчества, но считал, однако, что она «принуждена поступиться долей своего господства историческому взгляду, оставившемуся на раскрытии ближай-

НЕДЕЛЯ ФИНСКОГО КИНО

Культурные связи Советского Союза с дружественной Финляндией продолжают развиваться. В марте Финляндия проходила Неделя советских кинокартин. Сейчас в Советском Союзе проводится Неделя финского кинофильма. Она продлится до 25 ноября. Финские фильмы будут демонстрироваться в кинотеатрах Москвы, Ленинграда, Вильнюса, Риги, Таллина и Петрозаводска.

Для участия в «неделе» в Советский Союз прибыла делегация киноделов Финляндии во главе с начальником отдела печати Министерства иностранных дел Финляндии Тойво Хейкилли. В составе делегации — детены кино, представители различных финских киноминистерств Ристо Орйо, Мауно Микелли, Клас Холма, Тайво Сяркя и артисты Аннели Саволайнен (Саули), Хилка Халтууден (Хеллини), Матти Орависто.

На советских экранах будут показаны фильмы «За спичками», «Соперники», «Правосудие», «Прекрасная Инкери» и «Дерзкая девочка». Большинство из них

сделано по произведениям финских писателей и драматургов, повествующих о жизни простых людей Финляндии. Фильмам не чужды мотивы протеста против социальной несправедливости («Правосудие»), сатиры на современную буржуазную действительность (особенно ярко показаны нравы желтой печати в фильме «Дерзкая девочка»), тупость и ограниченность деревенской жизни («За спичками»).

Торжественное открытие «недели» состоялось 19 ноября в кинотеатре «Ударник». Заместитель министра культуры СССР В. Сурич приветствовал делегацию киноделов Финляндии. Чрезвычайный и Полномочный Посол Финляндии в СССР Э. Вуори говорил о культурных связях СССР с Финляндией; он сам перевел свою речь на русский язык. От советской кинообщественности к финским коллегам обратился режиссер Е. Данган. В заключение актриса Хилка Халтууден тепло приветствовала присутствовавших от имени деятелей финского кино.

Утром 20 ноября финская делегация посетила студию Мосфильм. Днем в посольстве Финляндии состоялось приемы для общественности в честь делегации. Вечером гости присутствовали на спектакле «Клод» в Театре сатиры. В ночь на 21 ноября финские киноделовы выехали в Ленинград, затем они поедут в Тбилиси.

На снимке в антракте сценаристы, режиссеры кинофильма «За спичками»: Т. Сяркя и артисты финского кино Х. Хеллини, М. Орависто, А. Саули. Фото А. ЛЯПИНА

ДОРОГУ ДОКУМЕНТАЛЬНОМУ ФИЛЬМУ

Нередко в разговорах о документальном кино можно услышать мнение, что жанр этот у нас расцветает. Однако нам кажется, что дело обстоит далеко не так. Несогласия эти, вероятно, проистекают потому, что в понятие «документальный кино» вкладывается различное содержание.

Что такое документальный кино? Киножурнал «Новости дня», который показывает перед художественным фильмом? Или специальный выпуск новостей спорта? Нет, и первое, и второе, и многие, многие другие кинохроникальные ленты не являются тем, что может называться искусством документального кино.

Как газетная хроника или самый квалифицированный репортажный отчет не похожи на публицистический очерк, на памфлет, на новеллу, так и кинохроника не похожа на документальный фильм. Ибо кинохроника — это факт, воспроизведенный на экране, документальный же фильм должен обобщать явления жизни, объяснять их, претворять в волнующие образы.

Знают ли эту разницу работники документального кино? Знают? Конечно, знают очень хорошо. Они недаром часто повторяют слова Горького. «Факт — еще не вся правда, он — только сырье, из которого следует выплавить, извлечь настоящую правду искусства». Чувствуют ли эту разницу между хроникой и документальным фильмом? Вряд ли. Почему? Да потому, что в течение долгих лет они почти не видели документальных фильмов, ибо та киноаппаратура, которая у нас называется документальной, выпускает хроникальные ленты.

В создании хроникальных фильмов у нас, особенно в последнее время, немало успехов. Хроника приобрела настоятельную оперативность, появились новые жанры, да и самый принцип подачи материала серьезно видоизменился: фильмы стали живее, интереснее, разнообразнее. Однако хроникальные картины не могут заменить документального кино, которое наравне с литературой может быть трибуной, публицистическим инструментом общественной жизни. Доказательство возможности документального киноаппарата — «Три песни о Ленине», потрясающие зритель почти четверть века назад, и «Битва за Советскую Украину», героическая драма военных лет, и «Возрождение Сталинграда», и «Повесть о нефтяниках Каспия», воспевающая трудовую подвиг советских людей, и «Счастье трудных дорог», вдохновенный рассказ о судьбах нашей молодежи.

Но такие фильмы можно пересчитать по пальцам. Были годы, когда подлинных произведений документального кино в Центральную студию документальных фильмов и другие студии страны вовсе не выпускали.

На год откладывалась работа над фильмами о воспитании наших детей, о жизни советской рабочей семьи. Человек с его мыслями, чувствами, переживаниями ушел из поля зрения документалиста. Вот почему не пользовались успехом у зрителей вошедшие в известную «облаву», вышедшие несколько лет тому назад фильмы об отдельных республиках страны. Эти фильмы в большинстве своем были бесстрастными и однообразными хроникальными отчетами о достижениях промышленности, сельского хозяйства и культуры. Для оправдания выкупа этой серии лент называли «киногласом Советского Союза». Но это не спасало положение. Киноаппаратура не поднималась до уровня настоящего киноаппаратического искусства.

Почему же хроника вытеснила документальные фильмы? А вот почему: жизнь страны так богата интересными и знаменательными событиями, что студия, естественно, с каждым годом увеличивает производство хроник. Для документальных фильмов остается очень небольшое место в работе студии, и оно все больше и больше сужается. Да и зачем, собственно, нужны документальные фильмы? Для производства фильмов? Или для оправдания выкупа этой серии лент называли «киногласом Советского Союза».

Хроникальные фильмы все режиссеры, все операторы, все редакторы... Но, может быть, сделано что-нибудь для поощрения режиссеров и операторов к работе над документальными фильмами? Нет, наоборот, монтаж и съемки хроник оплачиваются такими же постановочными гонорарами, что и работа над документальными фильмами.

Почему же хроника вытеснила документальные фильмы? А вот почему: жизнь страны так богата интересными и знаменательными событиями, что студия, естественно, с каждым годом увеличивает производство хроник. Для документальных фильмов остается очень небольшое место в работе студии, и оно все больше и больше сужается. Да и зачем, собственно, нужны документальные фильмы? Для производства фильмов? Или для оправдания выкупа этой серии лент называли «киногласом Советского Союза».

Мы не станем канонизировать научное наследие Веселовского, как, впрочем, не станем безоговорочно сломать канонизированную литературную деятельность революционных демократов, замалчивая ее ошибки, исторически неизбежные. Чем обиход Веселовского много, больше, чем это было нужно, говорилось в упомянутой дискуссии, и мы не станем перечислять то положительное и ценное, что Веселовский создал, и это необходимо сделать в интересах дальнейшего развития литературоведческой науки.

Если мы отвернемся от Веселовского и начисто забудем его труды, как это недавно сделал некто из наших ученых, то мы разоблачим, мы докажем, что зачеркнув всю нашу революционную академическую литературоведческую науку, и не только нашу отечественную, но и зарубежную, потому что Веселовский был своим значительной фигурой среди своих предшественников и современников литературоведов не только в России, но и на Западе. Мы не имеем оснований подвешивать в особом усовершенствованном ягаче, профессора Венского университета, а между тем он писал, что во главе всех

ними фильмами. А ведь хроника делать быстрее и проще! Есть и еще одно препятствие на пути документального кино: производственного графика, приемлемого для кинохроники, но не позволяющего вести глубокую творческую работу над документальными кинолентами. И вместо того, чтобы изменить «скоростной» график, отказываются от документальных фильмов.

Вследствие того, что долгие годы документальные фильмы делались в виде хроникальных кинолент, среди режиссеров студии оказалось много мастеров хроник, но слишком мало людей, умеющих на основе реальных фактов строить широкие художественные обобщения, владеющих ярким, образным языком искусства.

«...чем предмет обыкновеннее, — говорит Гоголь, — тем выше нужно быть поэту, чтобы извлечь из него необыкновенное и чтобы это необыкновенное было, между прочим, совершенная истина». Многолетняя систематическая работа режиссера над «обыкновенными предметами» хроник лишила их высокой требовательности к самим себе. Это отнюдь не и старым опытным работникам студии, и молодежи, приходящей из Института киноаппарата.

Авторы документального кино должны быть не только киноаппаратистами, но и писателями, журналистами. Однако они слишком редко участвуют в создании фильмов. И прежде всего потому, что произведений документального кино мало.

Нам скажут: ведь писатели и журналисты часто выступают в качестве сценаристов и авторов диалогов текста. Да, выступают. Но разве о таком авторском участии идет речь? Вот как работает сейчас сценарист в кинохронике: поставив последнюю точку в сценарии и узнав, что сценарий утвержден к производству, литератор проследит со студией надолго. Воплощение сценария происходит уже без автора, а ведь именно в этот момент творчество сценариста сталкивается с живой жизнью, которая часто заставляет вносить серьезные коррективы. Сценарий документального фильма, если это фильм не биографический или видовой, творчески преобразовывается во время съемок, именно в эту пору авторская работа над фильмом особенно важна. Но как раз тогда миссия сценариста уже считается исчерпанной. Такова практика.

Литератор же, привлеченный в качестве автора текста, обычно начинает работу после завершения съемок. Поэтому его возможности привнести в фильм свое, индивидуальное весьма ограничены.

Писатель, журналист должен прийти в документальное кино не как автор сценария или текста, а как один из равноправных авторов фильма. И работа над сценарием не должна быть каким-то самостоятельным этапом творчества, а продолжаться и в то время, пока снимается, пока монтируется документальный фильм.

Нам кажется, что пора вспомнить о советском документальном кино, пора начать борьбу за то, чтобы вернуть его былую славу.

Что мы для этого предлагаем? Разделить производство кинохроники и документальных фильмов. Создать самостоятельную студию документального кино. Если в настоящий момент этого сделать еще нельзя, то пусть в пределах Центральной студии существуют два самостоятельных производственных органа — хроника и документального кино.

Надо объединить лучших режиссеров и операторов, любящих документальное кино и понимающих его задачи и возможности, и организовать специальный отдел, который собрал бы вокруг себя литераторов, тяготеющих к документальному жанру.

Необходимо, чтобы творческие дискуссии вокруг проблем документального кино вырвались, наконец, из отсиженного круга таких надуманных вопросов, как, например, лучший ли документальный фильм сценарий, и т. п. Бесплодный спор на эти темы ведется уже давно и рождает на бесбрежном море документального киноискусства только догматическую муху.

Пора убрать все препятствия, расчистить заросшую тропу документальной киноаппаратуры, сделать ее широкой и светлой дорогой настоящего искусства. Сейчас время готовить документальные фильмы, которые в будущем юбилейном году помогут миллионам людей всего мира понять, какие великие зрелища происходят на нашей планете Октябрьской революции.

Литературовед — Медведков и фольклористов «состоят один из замечательнейших ученых второй половины XIX века, не только России, но и целой Европы — Александр Николаевич Веселовский...»

Говоря о том, что сказал замечательный один народом у другого и что замечательное — не всегда искажение, иногда оно дополняет к хорошему лучшее». Горький, большой знаток русского фольклора, по-прежнему свою мысль ссылая на суждения по этому вопросу, которые высказывал «наш знаменитый Александр Веселовский».

«Не поступаемся ли мы национальной гордостью, зачеркнув достижения русской литературоведческой науки прошлого?»

Особенностью Веселовского, как и Булаева, было то, что он являлся не только выдающимся ученым, но и выдающимся мастером слова. Он не только писал о словесном искусстве, но и в большом эстетическом чутке жила в красоте художественного образа и сам был одарен незаурядной художественной культурой. Его книги и статьи о Божьячю, Петраке, Рабле, Жюковском, Пушкине — не только ученые исследования, но и блестящие по своему художественному стилю, по языку произведения, увлекающие и волнующие читателей, как увлекает и волнует произведение искусства.

И это качество, качество подлинного словесника, присущее Булаеву и Веселовскому, должно быть примером для тех, кто пишет о литературе, будь он исследователем или критик. А ведь не перевелись еще и неизвестно когда переделается автор, подобные чуждому профессору Сербякову, пишущему об искусстве и ничего в искусстве не понимающему. У Веселовского, как и у Булаева, помимо прочего, с пользой можно почитать искусство писать об искусстве.

ПАРУС, НАПОЛНЕННЫЙ ВЕТРОМ

В эпиграф своей повести «Капитан Кирибеев» П. Сажин вынес фразу: «Если парус остается без ветра, он становится обыкновенной тканью». Это как бы второе заглавие, по которому угадывается в данном случае тема произведения.

А тема сама по себе не маленькая: человек нашего времени — это человек действия, и если он оказывается где-то вне поля событий, без дела, то с ним происходит нечто, по которому угадывается в данном случае тема произведения.

Начало повести настолько живо, как мы показало, сразу затянувшись монологом молодого ученого-океанолога Воронцова, который рассказывает о том, как он спешит на Тихий океан, как догоняет китобойную флотилию...

Повествование ведется от первого лица. Из личного опыта знаю, что такая форма ставит автора в очень тесные рамки и жесткие условия. Писать от первого лица — значит усложнить себе путь к раскрытию внутреннего мира персонажей, порой вовсе отказываясь от описания того, что делается в душах всех действующих вокруг «я» лиц, а это «я» должен обладать незаурядной способностью осязать тонкое наблюдения и передавать неслыханные дум и намерений людей по жестам, интонациям, недомолвкам...

Интересно, преодолел ли Петр Сажин те трудности, с которыми ему неизбежно пришлось встретиться?

Читаю одну главу, вторую, третью... И уже не замечаю, что повесть написана от первого лица. Книга прочитана, и мне жалко расставаться с ее героями. Проходит неделя, месяц, а капитан Кирибеев живет в моем сознании, живет большой жизнью — сильный, волевой, умный, со сложными переживаниями, светлыми мыслями, хорошими намерениями.

Как это сделано? Воронцов, от лица которого ведется повествование, догоняя китобойную флотилию, встречается в каюте парохода «Анадырь» с угрюмым, внешне грубым и угловатым моряком. «Он... снял с себя плащ, задев меня при этом морской пеной по лицу», «не сказал «здравствуйте», как это принято», «такого, как говорят, в отлоб не введешь».

«Послаж же мне бог соседя!», — жалуются читателю научный сотрудник.

Однако, несмотря на законные обиды Воронцова, симпатии судьи-читателя на стороне моряка: он, кажется, потерял равновесие, расстроен, угнет каким-то горем.

Так знакомит нас Петр Сажин с главным героем повести капитаном Кирибеевым, не отвечая пока на вопрос: что же происходит в душе моряка? Избранная им форма еще не позволяет это сделать: рас-

сказ ведет Воронцов, поему просто не дано говорить за две души. И тут же подумало, что автор поставил себя в тупик.

Вскоре убеждаюсь, что этот «тупик» как бы подтолкнул автора показывать героя со всех сторон, рисовать его образ во всей полноте и тем ответить на поставленный вопрос.

Вот Воронцов встречается с соседом по каюте на китобойном судне «Тайфун». Здесь капитан Кирибеев выглядит совсем другим человеком: такого не надо вводить в оглобли, он сам встал в них, он любит морскую стихию и, вероятно, давно тосковал о ней. Он — хозяин стихии. Автор доказательно убеждает в этом читателя, описывая поведение Кирибеева в самом опасном месте, в зоне подводных камней, где китобоев настывает туман.

«Собственно, только два решения были: возможные либо укрыться в ближайшей бухте, если путь в ней еще не отрезан туманом, либо взять курс мористее, то есть пройти дальше в море, где нет мелей и островов. Третьего выхода не было».

Капитан Кирибеев оставался хладнокровным. Он решил выскочить из этой ловушки на большой скорости и обогнать туман. Это, конечно, риск. Но хляки и робких море не терпит.

Или вот мы видим Кирибеева с другой стороны.

Туман застал «Тайфун» в бухте. И если на других судах в ожидании погоды царит покой, то на «Тайфуне» стоит грохот и шум. Вопреки строгим приказам руководителя китобойного промысла Паужитова об экономии пороха Кирибеев организовал стрельбу из гарпуной пушки по плавающим на воде лангустам.

Обеспокоенный тем, что государство вынуждено платить валюту иностранным гарпунерам, работающим на наших судах по договору, он не жалеет пороха, готовит своих гарпунеров. Он опять идет на риск, понюхав долгу гражданина. Это, конечно, не нравятся шеф-гарпунеру «Тайфун» — норвежцу Бюдену, владеющему «секретом» стрельбы из пушки по лангустам. Но «секрет» по так-то велик. Когда лангусты к пушке моряки приобретают практический опыт владения ею, это становится очевидным.

В отличие от Паужитова, человека директива и скрытого противника всяких новшеств, Кирибеев опирается на коллектив моряков, которые уважают его за смекалку и ум. На этой почве между Паужитовым и Кирибеевым на протяжении всей повести идет борьба. Вера в людей — вот что лежит в основе побед Кирибеева, его успешной и смелой тактики охоты на киты. Отношения с подчиненными — еще одна грань, которой П. Сажин поворачивает к нам своего героя.

Такова линия первого плана, где Кирибеев показан деятелем. Второй план со-

ставляет описание личной жизни героя. Здесь П. Сажин проникает в душу Кирибеева, на первый взгляд, простым ходом: Кирибеев сам рассказывает о себе. Таким образом, в повести появляется еще одно первое лицо. Но это не отражается на композиции произведения.

И оказывается, что внешней грубоватостью капитан защищает свою нежную, чувственную душу. Он нежно любит Ларису, ставшую его женой после случайной встречи в Крыму. Кирибеев подает ей руку помощи, когда она была подавлена большим горем: за две недели до этой встречи у нее умер отец, ради которого она покинула театр. Красивая, с отличным голосом актриса.

Кажется, он нашел свое счастье: сокол галке не родня, он берет себе спутника жизни из своего соколиного племени.

Своим облик Лариса как бы помогает автору раскрыть образ Кирибеева. Ее натура активна. Она талантлива, всегда и везде ищет успеха.

Как-то Лариса говорит ему: — Ты хочешь, чтобы я всю жизнь сидела дома, как наседка? Чего я была сторожем и кухаркой в твоём доме?

В конце концов он пересел с ней в Ленинград, где она смогла пойти на сцену. Умелая собственным успехом, Лариса отвернулась от мужа. А он вернулся на Тихий океан, но любит ее и до сих пор...

Так вот чем, оказывается, был расстроен капитан.

Так постепенно, страничка за страничкой, от встречи к встрече, от человека к человеку П. Сажин раскрывает сильный и цельный характер капитана Кирибеева. Это настоящая победа писателя. Он преодолел трудности избранной формы, показав своего героя в разных планах, в отношениях к разным людям, и перед глазами читателя вырастает мужественная фигура героя, глубоко романтизированной, но увлекательная, зовущая, покоряющая своим сильным характером. Этому во многом способствует язык автора — свежий, как бы пропитанный морским ветром, величественные описания природы, на фоне которой живут герои повести, яркость личных переживаний людей.

Петр Сажин любит море и пишет о нем с сознанием дела и увлеченно. Он слал смелых и сильных духом людей моря. Это отвечает интересам нашей молодежи, потому что море всегда тянет к себе молодые сердца романтичной подвига, постоянного героизма живущих на море людей. Писатель создал хорошую книгу, которая уже сейчас завоевала читателей. И это особенно радостно отметить: ведь «Капитан Кирибеев» — бесспорный успех способного литератора, от которого можно ждать новых хороших книг.

Иван ПАДЕРИН

Книгу — новостройкам и селам

В селах и на новостройках Российской Федерации проходит движение по распространению книг. Наш корреспондент обратился к секретарю правления Союза писателей СССР Г. Маркову с просьбой рассказать об участии в месячнике литераторов Москвы и других городов.

— Значение месячника трудно переоценить, — сказал он. — Дело в том, что распространение книг в отдаленных селах и на новостройках страны организовано плохо. Месячник должен помочь улучшению книжной торговли на местах.

Для нас, литераторов, месячник особенно важен тем, что он усиливает живое, непосредственное общение с колхозниками, механизаторами, строительными рабочими — со всеми, для кого мы работаем. Умные, дальние высказывания читателей — хорошая помощь любому из нас. Вполне естественно, что писатель не может быть равнодушным к тому, как доходит его книга до читателя.

В пять краев и более чем в тридцати областях РСФСР выезжают писатели, чтобы принять участие в этом первом всероссийском месячнике.

День поэзии показал, какой живой интерес вызывают у читателей подобные встречи с писателями.

Праздники книги, книжные базары, встречи в клубах и на строительных площадках, читательские конференции — такими разнообразными формами общения писатель с читателем в дни месячника.

Из Красноярского края сообщают, что там будут проведены три читательские конференции по произведениям писателей-сибиряков, встречи в книжных магазинах, выступления писателей по радио и в газетах.

В Иркутской области писательские бригады выехали в крупнейшие промышленные и сельскохозяйственные районы, на новостройки. Намечен ряд встреч писателей с читателями, циклы лекций и бесед о современной литературе.

В колхозах Смоленской области и на строительных Дорогобужской ГЭС побывали литераторы Смоленской и Москвы. В Рязани будет проведен праздник книги.

В Дагестане созданы писательские бригады для поездок в различные районы республики. Во время месячника здесь будут проведены три читательские конференции. Поэты и прозаики расскажут читателям о своих творческих планах, прочтут новые произведения.

В связи с месячником издательство «Советский писатель» выпускает более двадцати новых книг. Изданы новые книги и другими издательствами, как в центре, так и на местах.

Для того, чтобы усомниться в предрасположении Веселовского и космополитизму и чтобы понять, с какой чуткостью он относился к национальному моменту в русской литературе, достаточно познакомиться с его превосходной и полновесной ревью «Лушчин — национальный поэт», написанной в связи со столетием рождения поэта. В этой яркой и талантливой речи, могущей быть поставленной в один ряд с тем лучшим, что вообще было написано о Пушкине, образ писателя-гражданина, слуги русского народа (по определению Веселовского) и великого мастера слова поднят на такую национальную высоту, при которой даже не встает вопрос о какой-либо ограниченной зависимости гениального русского поэта от его учителей — русских и иностранных. Он «не сентименталист, не романтик; байронит только по совпадению западных литературных и русских общественных моментов». В его поэзии «мы чувствуем реализм Некрасова...»

Размеры нашей статьи не позволяют дать сколько-нибудь полное освещение научной деятельности Веселовского. Давно уже не только на его родине, но и за границей высокую оценку получили его замечательные труды о литературе итальянского Возрождения. Каким бы критическим замечаниям ни вызвали работы Веселовского по исторической поэтике, это были работы крупнейшего значения и по широте охвата материала и по стремлению разрешить сложнейшие проблемы природы поэтического творчества, особенно на первых ступенях человеческого развития. Они, во всяком случае по своему научному качеству, превосходят аналогичные работы западных ученых.

ших отношений и влияний, совершившихся уже в пределах истории, что «понятка мифологической эвдегезы должна начинаться, когда уже кончены все счеты с историей». Наряду с мифологией языческой Веселовский подчеркивал значение христианской мифологии, а в обращении к историческому взгляду на явления литературной старины он усматривал «призраки времени, возвращающие к реальности».

Независимо от принципиальных исходных положений, отличавших позицию Веселовского от позиций мифологов, он явчательно расширил круг народов и культур, находившихся в литературном взаимодействии. В этом отношении он пошел дальше Бенфея. Говоря о литературных взаимодействиях, Веселовский не выделял народы, более привагированные в культурном отношении; он вовлекал в свои рассуждения не только их творчество, но и тех, которые стояли на примитивной стадии культурного развития.

Уже на первых порах своей научной деятельности — в статье 1868 г. «Заметки и сомнения о сравнительном изучении средневекового эпоса» — Веселовский, однако, предлагал существенные ограничения при установлении литературных взаимоотношений в тех случаях, когда они не могут быть подтверждены историческими фактами. Он писал: «При сравнительной однородности мифического материала и одобрении эпических приемов народной фантазии легко было, преследуя одни и те же мотивы, прийти к одним и тем же средствам изображения и даже воспроизвести одинаковые подробности. Мы по крайней мере того мнения, что иногда даже сложное сходство двух или нескольких сказаний, проникающее в и в частности, не дает права на гипотезу заимствования, если в это сходство не привнесут какие-нибудь исторически определенные черты».

В упомянутой статье Веселовский, как и в позднейших своих работах, наряду с теорией заимствования признает и теорию самозарождения мотивов и сюжетов. Это объясняет общность их у различных народов, не находившихся во взаимодействии, — психические свойства людей на определенных ступенях культурного развития очень близки. Теория эта, получившая название «антропологической», обычно связывается с именами английских антропологов — Тейлора и его последователя Янга. Но книга Тейлора «Первобытная культура», обосновывавшая антропологическую теорию, впервые увидела свет лишь в 1871 году, то есть через три года после того, как Веселовский высказался в ее духе, а работы Янга стали появляться

лишь со второй половины 80-х годов. В пору дискуссии о Веселовском, происходившей на страницах наших журналов и газет, Веселовскому в числе прочих обвинений вменялся космополитизм, сказавшийся якобы в том, что русскую литературу, и в особенности русский героический эпос, он подчинял разнообразным иноземным влияниям. Но дело в том, что независимо от степени справедливости этого упрека Веселовский, касаясь литературных влияний и заимствований, усматривал их не только в русской, но и в любой другой литературе, в частности литературе западноевропейской. В утрированной форме он утверждал, например, что «народный эпос всякого исторического народа по необходимости международный», и в этом отношении, пусть исходя из оптимистической формулы, он не делал различия между русским эпосом и каким угодно другим эпосом.

Но и в тех случаях, когда у Веселовского шла речь о заимствованиях, он выдвигал теорию «основ», наличие «встречного течения», способствующего усвоению чуждого материала.

Касаясь вопроса о заимствованиях в русской литературе, Веселовский еще в отчете о своих научных занятиях в 1863 году писал о том, что русские заимствования «переживались сызнова; вносил новый материал в нравственную и умственную жизнь народа, они сами изменялись под совокупным влиянием той и другой». При столкновении своего с чужим, по взгляду Веселовского, переживало свое. Таким образом, самостоятельное развитие народа, подверженное письменным влияниям чужих литератур, — писал он далее, — остается ненарушенным в главных чертах: влияние действует более в ширину, чем в глубину, оно более дает материала, чем вносит новые идеи. Из него создается сам народ, такую, какая возможна в данном состоянии его развития.

Веселовский отводил большую роль византийской литературе по степени ее воздействия на европейскую средневековую литературу, в частности на литературную славянскую. Эти последние, в их числе старинная русская литература, в глазах Веселовского имели большое значение для усвоения общеевропейского литературного процесса в пору средневековья, — целый ряд византийских памятников известен лишь в славянских переводах. Но и независимо от этого славяночку, и особенно русскому, элементу Веселовский отводил значительное место в общем развитии европейской литературы, отбываясь на две

его работы 60-х годов, посвященные итальянской литературе эпохи Возрождения и написанные на итальянском языке, Булаев писал: «Теперь же мы познаем читателя только с теми монографиями Г. Веселовского, в которых наш русский ученый впервые для итальянской публики сблизил литературные интересы западных с русскими. Это немалая заслуга, столько же в отношении ученом, сколько и в национальном русском. Это патристический подвиг образованного русского человека, который, владея богатым содержанием общеевропейской литературы, дает в ней почетное место и народности русской, как одному из основных элементов общего всем западным народам литературного предания».

Нужно сказать, однако, что, вопреки собственному предостережению не делать без достаточных в тому оснований заключений о заимствованиях в результате сопоставлений сходных, притом лишь отдаленно, литературных явлений, Веселовский в ряде своих экскурсов, особенно в области русского народного творчества, обнаруживая чрезмерное увлечение всякого рода сопоставлениями русского материала с материалом иноземным. Это приводило к голому компаративизму, часто не влекло за собой никаких положительных выводов, мало что давало для усвоения самой сути гениального русского народно-поэтического творчества. Порой даже отдаленно, и у Веселовского речь о заимствованиях или просто о ничтожном объяснении факта сходства тех или иных мотивов и ситуаций в русском фольклоре и фольклоре других народов. Накопление фактов в этой области сплошь и рядом является лишь признаком самолюбования огромной эрудиции ученого. То, что ему представляется заимствованием, далеко не всегда убедительно обосновывается. Эти недостатки рассуждений вызванного русского ученого подмечены были не только советской научной критикой, но и критикой со стороны ученых его современников, начиная с Булаева, и скажались в работах и некоторых его учеников и последователей.

Как бы то ни было, и в этих трудах Веселовского следует отделять ценное и заслуживающее углубленного изучения и спокойной объективной проверки от того, что для нас является непримемлемым с точки зрения методологической и фактической. Во всяком случае, компаративистские изыскания Веселовского не дают, по моему, оснований причислять его к космополитам.

Эти армии, эти линкоры знакомы и мне, и к моим берегам подходили такие их солдаты...
на берегу сошли.
Эти армии смерть мне несли, им хотелось мена задуть, чтоб отнять свет у глаз, дарованье у рук. Их тогда сбросил в море народ мой герой.

на твоём языке, о победе твоей...
Египтянин, мой брат, — это знаю я, так же, как ты, — независимость — это ведь, брат, не автобус, чтобы сесть на другой, если первый ты пропустил. Независимость — это как наша любимая, если ты хоть однажды ее обманул, очень трудно ее воротить.

Египетский солдат Рисунок А. Динафарова

Перевела М. ПАВЛОВА

В СВОЙ ЖЕ КАПКАН

Западная печать об экономических последствиях агрессии в Египте

Англо-французские захватчики, развязавшие авантюру в Египте, потеряли полный политический и моральный провал. Презрения и гнев всех честных людей мира к англо-французским империалистам, помешавшим поднять руку на суверенные права египетского народа...

Расходы в долларах в сумме 200—300 млн. долларов на американскую нефть в ближайшие несколько месяцев — это слишком заниженная цифра. «Все это, — пишет газета, — по меньшей мере представляет собой неприятную перспективу в момент, когда золотые и долларовые запасы Англии сократились до 2.244 млн. и продолжали сокращаться в последние несколько месяцев»...

Тем временем, пока ведутся унылые подсчеты, на какую сумму придется раскошелиться английской казне за попытку сунуть нос в египетские дела, сокращение поступления среднезападной нефти дает себя знать. Агентство Рейтер сообщает о сокращении потребления бензина в Англии на 10 процентов и о том, что вскоре будет введено «более жесткое ограничение».

Дикорозачные изыскания заместителя нефти предприятия английской сталелитейной промышленности, так как около двух пятых производства стали в Англии производится в печах, работающих на нефти и потребляющих более одного миллиона тонн жидкого горючего в год.

А что делается во Франции? Французская нефтеперерабатывающая промышленность решила сократить на 20 процентов поставки горючего потребителям. Приняты меры к сокращению объема движения автомобильного транспорта.

По сообщению агентства Франс Пресс, с американским правительством ведутся переговоры о поставке Франции около 10 миллионов тонн нефтепродуктов на сумму 200 миллионов долларов.

Как видно, и французская экономика получит большую прощину из-за вмешательства в дела Египта. 200 миллионов долларов — это громадная сумма, которая окончательно расшатает находящийся в плачевном состоянии финансы Франции.

ку такой холодности проливает свет сообщением ватингтонского корреспондента газеты «Нью-Йорк таймс», который пишет: «Некоторые официальные лица предсказали, что тщательно разработанный план поставок нефти в Европу под наблюдением правительства в количестве полумиллиона баррелей в сутки будет отложен на неопределенный срок.

Английские и французские колонизаторы попали в им же самим поставленный капкан. Экономически от создавшейся ситуации выиграли... только лишь американские монополии.

Следует сказать, что не только нефтяной кризис явился результатом англо-французской авантюры. Английская газета «Дейли мейл» подчеркнула недавно, ссылаясь на заявление министра продовольствия Англии, что, ввиду кризиса в судоходстве, возможно, будут повышены цены на чай, кофе, мясо, сырое масло, сыр и сахар.

Выступая в английской палате общин 12 ноября с. г., представитель лейбористской партии, специалист по экономическим вопросам, Гарольд Вильсон заявил: «За 3 дня война правительства против Египта стоила больше, чем пришлось бы потратить на удовлетворение всех требований повышения заработной платы в стране».

Английская газета «Дейли миррор», намекая на увеличивающиеся экономические затруднения Англии, вызванные агрессией в Египте, заявила: «Эта не конец авантюры Идена. Это лишь начало».

Предельно кратким и «оптимистичным» было резюме французской газеты «Экю». Проанализировав создавшуюся обстановку и придя к выводу, что в результате египетской авантюры на повестке дня стоит потеря Францией экономической независимости, «Экю» заключила: «Египетская операция провзвучала, как похоронный звон».

Египетская авантюра коснулась не только Англии и Франции. Агрессия в Египте ударила и по экономике других стран Европы. Шведское правительство планирует сократить потребление жидкого топлива для отопления жилых домов и промышленных предприятий на 20—25 процентов.

Голландская газета «Де Ваархейд» пишет, что прямые и косвенные убытки, которые понесет Голландия в связи с суэцкой авантюрой, будут выражаться в сотнях миллионов гульденов.

Таковы первые плоды авантюры Англии и Франции в Египте.

Ю. ОЛИН

«МОЛЕНИЕ О СЧАСТЬЕ»

В связи с двадцатилетием со дня смерти Лу Сина Пекинская киностудия выпустила новый художественный фильм «Моление о счастье», сценарий которого написан драматургом Ся Янем по одноименному рассказу Лу Сина.

В фильме рассказывается о судьбе заботливой и всемирно гонимой крестьянки Сян Линь. Ее жизнь — это удел многих женщин в старом Китае. Она пытается выступать против порядков, унижающих человеческое достоинство, но у нее не хватает сил для решительного протеста.

При жизни Лу Синь очень неохотно дал однажды свое согласие на экранизацию одного из своих произведений. Писатель опасался, что его произведение будет сильно искажено, и предупреждал, что в этом случае оно не будет иметь к нему никакого отношения.

Но сценарист фильма «Моление о счастье», как пишет критик Цзинь Цао в газете «Женьминьбао», проявил глубокое понимание особенностей художественного мастерства Лу Сина, сумев в сценарии сохранить замысел Лу Сина.

КНИГА

О ПИСАТЕЛЯХ

«Наши литераторы» — так называется трехтомник литературных портретов, изданный одним из известных индийских писателей на языке малайялам Паллиана Кунджуринаном. «В нашей литературе, — пишет рецензент индийского литературного журнала «Пен», подчеркивая значение труда П. Кунджуринана для индийской литературы, в книгу вошли портреты хорошо известных представителей индийской литературы. Автор рецензии отмечает «живой стиль и в общем довольно объективные оценки» в трехтомнике.

ФИЛЬМ

«ВОЙНА И МИР»

В течение последних полутора лет в американских журналах и газетах регулярно появлялись снимки и сообщения о съемках в Италии большого фильма по роману Л. Н. Толстого «Война и мир». Режиссером постоянно держала будущих зрителей в курсе дела. Так, печать извещала, что фильм обойдется голливудской фирме «Парамунт» в 6 миллионов долларов, что актрисе Одри Хепберн, исполняющей роль Наташи Ростовой, был уплачен небывалый гонорар. Приводились и многие другие цифровые выкладки: восемь авторов в течение года писали сценарий, 90 портных шили костюмы в течение семи месяцев, в съемках фильма принимали участие актеры десятка стран и 15 тысяч итальянских солдат, фильм длится 3 часа 28 минут.

И вот недавно в Нью-Йорке состоялась премьера фильма и появились первые рецензии. Надо сказать, их тон отличен от многообещающих сообщений американской рекламы. Критика

О ЖИЗНИ КАМЕРАУНА

Вышел в свет второй роман камерунского писателя Фердинанда Ойно «Старый негр и медаль». В этой книге, как и в своем первом романе «Жизнь боя», писатель обличает призыв французских колонизаторов в Камеруне. «Фердинанд Ойно отлично знает, что такое колониализм, — пишет критик Режи Бергерон. — Он вскрывает его истинный, звериный облик, показывает, что колониализм опирается на два орудия своего могущества: крест и кнут».

Герой нового романа Фердинанда Ойно — добродушный старый негр Мека. Он покорило несуетное утешение. Приняв католичество, Мека отдает свои земли католическим миссионерам. Оба сына Меки погибли, сражаясь во время войны на стороне французов. Такая горькая судьба досталась гражданину. И вот наступает день, когда французский верховный комиссар торжественно вручает старому Меке медаль. С этого момента начинается прозябанье старого негра. Мека, с детским волнением ожидавший награды, убеждается в том, что все вокруг построено на обмане.

Состоялось присуждение Нобелевской премии в области литературы. В этом году ее удостоен выдающийся испанский поэт Хуан Рамон Хименес.

Хуан Рамон Хименес родился в 1881 году на юге Испании, в солнечной Андалусии. Он учился в университете в Севилье и рано начал заниматься поэтическим творчеством — в конце прошлого столетия вышли первые сборники его стихотворений. Уже в этих юношеских книгах проявила себя яркая поэтическая индивидуальность. С тех пор Хуан Рамон Хименес выпустил несколько десятков сборников стихов, принесших ему широкую известность. Современная поэзия критика отмечала мастерское владение словом, глубину и свежесть чувств, своеобразные образы в его творчестве. В 1936 году Хуан Рамон Хименес эмигрировал из Испании на Кубу, а затем в США. Сейчас поэт постоянно живет в Пуэрто-Рико, где преподает в университете.

Одной из последних книг индийского писателя, с которой познакомились итальянские читатели, является книга Чинто Де Яно «Город восстает», вышедшая издательством «Эдитори riunite». Журнал «Вне новуме», сообщая о выходе книги, замечает, что она представляет собой «первую попытку исторического обобщения событий, послуживших началом движения Сопротивления в Италии». На сцене: обложка книги «Город восстает».

ПРИСУЖДЕНИЕ НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ

Состоялось присуждение Нобелевской премии в области литературы. В этом году ее удостоен выдающийся испанский поэт Хуан Рамон Хименес.

Хуан Рамон Хименес родился в 1881 году на юге Испании, в солнечной Андалусии. Он учился в университете в Севилье и рано начал заниматься поэтическим творчеством — в конце прошлого столетия вышли первые сборники его стихотворений. Уже в этих юношеских книгах проявила себя яркая поэтическая индивидуальность. С тех пор Хуан Рамон Хименес выпустил несколько десятков сборников стихов, принесших ему широкую известность. Современная поэзия критика отмечала мастерское владение словом, глубину и свежесть чувств, своеобразные образы в его творчестве. В 1936 году Хуан Рамон Хименес эмигрировал из Испании на Кубу, а затем в США. Сейчас поэт постоянно живет в Пуэрто-Рико, где преподает в университете.

ТРИЛОГИЯ В. МАРТИНЕКА

«Обгоревшие ветви» — так называется роман чешского писателя старшего поколения Войтеха Мартинька, посвятившего свое творчество исключительно родному краю — Острове. Его новая книга также рассказывает о событиях, происшедших в этих местах. «Обгоревшие ветви» — выпущенные издательством «Чехословацкий писатель» завершают трилогию, первые части которой вышли более десяти лет назад. Роман возвращает чешского читателя к трагическому периоду в истории Чехословакии — фашистской оккупации. Различными людьми населен ряд книг «Обгоревшие ветви». Автор знакомит читателей с молодым остравским учителем Павлом Яношеком, участником подпольного движения сопротивления, погибающим от рук нацистов, с его родственником Жезуликом и другими людьми, поразному откликнувшимися на события. Чехословацкая критика, положительно встретившая новый роман Войтеха Мартинька, отмечает реалистичность творческой манеры писателя.

«СЦЕНА СРЕДИ СКАЛ»

«Сцена среди скал» — это звучит довольно странно, но тем не менее такой театр существует. Находится он в одном из живописнейших уголков Германской Демократической Республики, в так называемой «Саксонской Швейцарии», и носит имя «Фельзенюнге», что в буквальном переводе и означает сцена среди скал. В этих местах проводят свой отпуск в санаториях Объединения свободных профессоров тысячи трудящихся ГДР. Многие посетители эти места в свой выходной день. В репертуаре театра — ряд классических пьес и опер. «В этом году, — пишет журнал «Фрау фон хейте», — каждый раз до двух тысяч зрителей слушали оперы «Оружейный мастер» и «Волшебный стрелок» и смотрели драмы «Разбойники» и «Саламейский алькаль».

из них советским зрителям и дать возможность сравнить их с теми представлениями о Наташе и Пьере, которые сложились у каждого из нас. На снимке: Одри Хепберн (Наташа Ростова) и Генри Фонда (Пьер) в фильме «Война и мир».

Лев Павлович Пасынков

Умер Лев Павлович Пасынков, один из старейших русских писателей. Родился Лев Пасынков в 1886 году в городе Ростове-на-Дону, в семье железнодорожного служащего. Первые рассказы писателя были опубликованы в 1906 году в парижской демократической газете «Родная страна». Вскоре Пасынков пошел на военную службу в Тифлис, в Куринский полк. Здесь он сошелся с революционно настроенной группой молодежи, и тогда же появились его рассказы «У горы Давида», «Поезд смерти», «Был город», рассказы, в которых писатель свое выражение любви к родному народу и ненависти к его угнетателям. За свою литературную деятельность Лев Павлович Пасынков неоднократно преследовался царским правительством. В 1914 году в Петербурге Пасынков познакомился с Алексеем Максимовичем Горьким, который оказал в дальнейшем огромное влияние на его творчество. Лев Павлович начал активно печататься в журналах и сборниках — «Страда», «Нива», «Огонек», «Летопипись». С 1922 по 1927 год Пасынков работает в Ростове-на-Дону, заведует отделом краевой газеты «Советский Юг», совершает многочисленные поездки по стране — в Иваново, на Северный Кавказ, в Дагестан, Азербайджан; знакомится с бытом народа, с национальными писателями. В результате поездок появляются такие

значительные произведения Пасынкова, как «Дети гор», «Голубой цветок», «Заповедные воды «Гайла». В 1927 году Лев Павлович переехал в Москву и включился в работу писателей-москвитин. В 1932 году выходит первое издание его книги «Человек в лесу», а в 1940 году — второе. Годы 1942—1944 Лев Павлович провел в новых поездках по стране, писал очерки, возмания к бойцам Советской Армии, редактировал альманах «Киргизстан» и книги писателей братских республик. В 1944 году он вновь возвращается к работе в Москве. С 1944 по 1950 год руководит отделом литературы народов СССР «Литературной газете». В последние годы Лев Павлович Пасынков страдал тяжелым заболеванием глаз. Но несмотря на прогрессирующую слепоту, он продолжал работу, диктуя свои литературные записки о Горьком, Шолохове и о других видных советских писателях. Частично эти записки были опубликованы в журнале «Знамя». В конце жизни Лев Павлович Пасынкова потеряла талантливого писателя, редактора и переводчика, высказавшего отношение к своему делу, обладавшего необычайной скромностью, тонкой душой и большим сердцем. Президиум правления Московского отделения Союза писателей СССР

Главный редактор В. КОЧЕТОВ. Редакционная коллегия: Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИЯ, В. ИВАНОВ, П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Е. ЛЕОНТЬЕВ, Г. МАРКОВ, В. ОВЕЧКИН, С. СМЕРНОВ, В. ФРОЛОВ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1957 ГОД НА «ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ» орган правления Союза писателей СССР ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

на 12 месяцев — 62 р. 40 к. на 6 месяцев — 31 р. 20 к. на 3 месяца — 15 р. 60 к. Подписка принимается в городских и районных отделах «Союзпечати», отделениях связи, общественных учреждениях по подписке на предприятиях, в учреждениях, учебных заведениях, совхозах и колхозах.

ОЛИМПИЙСКИЙ ОГОНЬ ЗАЖЖЕН

Олимпийский огонь зажжен, но спортивные таблицы начнут заполняться только сегодня. Единственный своеобразный рекорд был поставлен самолетом «Ту-104», на котором советские спортсмены, перепрыгнув Гималаи, играли в домино, как в обыкновенном вагоне поезда, при скорости 900 километров в час. Не шлохулся, не плеснулся чай в стакане. Летели на восток из ночи в зрну. Это был самый короткий рассвет в жизни. Показалось, что он вспыхнул сразу, словно стог соломы. Вслед за тем в синеву небо стремительно врезало солнце.

В Сингапуре душной ночью наши спортсмены давали первые интервью. Газетчики с пристрастием допрашивали, какие рекорды собирается наша делегация привезти из Мельбурна в Москву.

В Мельбурн прибывали вечером. Город широко раскинулся своими прямыми длинными улицами. Белыми, зелеными огнями он напоминал дремлющее поле картофеля, посаженного квадратно-гнездовым способом. Большой зал аэропорта был заполнен встречающими. Вероятно, впервые в одном месте было дано столько автографов. От аэропорта до олимпийского городка — больше двадцати километров, и на каждой остановке автобуса в толпе бежали блокноты и сияли улыбки.

В Австралии о снегах и метелях знают понаслышке, но весна, которая наступает здесь в эту пору, не показала высоких результатов. Холодно, идут бесконечные дожди. Местная пресса печатает карикатуры, пытается вразумить погоду бичами сатиры. Значительно лучше здесь климат сердец и душ — всходит семена доброты и заботы. Пока почти не замечено сорняков,

хотя некоторые газеты Северного полушария пытаются везти их на австралийский и с ю по почву. Впрочем, на дребезжании старых флажков не обращаются ни на улицах Мельбурна, ни в олимпийском городке, где живут спортсмены разных стран. В гости к советским спортсменам запросто приходят американские. Несмотря на дождь, под которым раскисли шляпы и пальто, были полны трибуны стадиона во время дружеского матча между австралийскими футболистами и советской сборной. На наш взгляд, мельбурнские зрители-большинки не уступают в объективности московским. Алгодисментами встречался каждый красиво забитый гол. Выиграла советская команда. Но советские спортсмены высоко оценили корректность австралийских футболистов, личную технику, волю в победе. Матч получился дружеским и для футболистов и для болельщиков из разных полушарий.

Интересно наблюдать, что происходит сейчас в Мельбурне. Несколько дней назад группа советских спортсменов была приглашена в театр на просмотр пьесы «Под деревом Коломба», пьесы, посвященной истории заселения Австралии. Оригинальная композиция постановки возбуждает песнями, танцами, она проповедует идею гуманного отношения к коренным жителям Австралии. Замечательно, что ставится она любителями, которые увлеклись задачей — создать подчеркнутый реалистический театр в противовес западному модернизму.

Постановка имеет успех. Говорят, пьеса пойдет в других городах страны. После спектакля состоялась встреча советских спортсменов с артистами, окончившаяся взаимными пожеланиями успехов.

Несколько наших журналистов случайно попали в клуб местной прессы. После не-